

ПЕТРУСЕНКО СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО

Ирина Глебова

МЕЖДУ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ

ДЕТЕКТИВ РЕТРО ДЕТЕКТИВ РЕТРО ДЕТЕКТИВ РЕТРО ДЕТЕКТИВ РЕТРО ДЕ

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

**Между волком и собакой.
Последнее дело Петрусенко**

«Автор»

2015

Глебова И. Н.

Между волком и собакой. Последнее дело Петрусенко /
И. Н. Глебова — «Автор», 2015 — (Следователь Викентий
Петрусенко)

Эта книга – восьмая, заключительная в серии «Сыщик Петрусенко». Если первые свои дела, в первых книгах, Викентий Петрусенко расследовал ещё в царской Российской империи, то теперь это – Советский Союз, 1938-й год. Очень непростое время. И последнее дело Петрусенко тоже непростое: и криминал, и политика, и шпионаж... Действие динамичное, напряжённое, но, как и в предыдущих книгах, есть место чувствам, любви. Всё происходит в родном городе Викентия Павловича, в Харькове... В романе проясняются судьбы всех героев, которые встречались в предыдущих книгах.

© Глебова И. Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Глебова

Между волком и собакой.

Последнее дело Петрусенко

Глава 1

Хавбек противника шёл прямо на ворота – стремительно и неотвратно. Двое своих ребят пытались его тормознуть, самоотверженно бросались в ноги, но тот легко оторвался от них. Володя знал его – Шурка Величко из фэзэушников, отличный игрок. Вообще парни из фабрично-заводского училища почти все постарше их, старшеклассников. Но всё равно футбольная команда его школы – чемпион района, так чего бояться? Он и не боялся. Натянул потуже голкиперскую фуражку на брови, полуприсел, хлопнул по коленям кожаными перчатками – приготовился. Минуты словно растянулись: он даже залюбовался длинными прыжками хавбека, мячом, как будто примагниченным к его бутсам. Вот сейчас будет удар, точно – в левый нижний!

В этот момент хавбек чуть споткнулся... А, может, и нет! Может, это финт такой обманный, потому что мяч хоть и полетел в левый нижний угол, но был таким кручёным! Володя прыгнул и всё-таки достал его – мяч с победным хлопком впечатался в перчатки! «Трибуны взревели»... Ну, положим, не так, как это происходит сейчас во Франции, где играется чемпионат мира по футболу. Но на их школьном стадионе тоже собралось много болельщиков...

В школьной раздевалке возбуждённые мальчишки громко обсуждали игру – самые запомнившиеся моменты.

– Как Мишка пробил корнер, это ж надо, прямо Василию в ноги!

– А тот ба-бах! И в сетку! Как из пушки, чуть дыру не сделал!

– А Володька наш, ну прямо Бабкин! А что, может тоже за сборную будет играть!

Их команда выиграла, и ребят переполняла радость. Володе было приятно, что его сравнивают с Александром Бабкиным. Ещё год назад знаменитый голкипер играл за свой харьковский «Локомотив», а также защищал ворота сборной Союза. Но сейчас он просто работает на заводе «Серп и молот». И Володя его понимает: он сам тоже любит футбол, но есть в жизни дела поважнее.

Он надел лёгкую куртку и непроизвольно поправил значок. Это был «Юный Ворошиловский стрелок». Между прочим, даже у ребят старших по возрасту – а в команде были и девяти, и десятиклассники, – такой значок был далеко не у каждого! Все знали: Володя Кандауров – чемпион школы по стрельбе. Из боевого оружия! В прошлом году ввели правило: стрелять из боевых винтовок.

Заговорили о чемпионате мира. Только закончились игры одной восьмой финала, уже было ясно: итальянцы – действующие чемпионы, – и теперь сильнее всех. Играют они, конечно, отлично, но ведь фашисты! В Испании расстреливают республиканцев, бомбят детей, женщин, а эти... выходят на игры в чёрных рубашках! Хорошо ещё, что Германия вылетела с треском, это всех ребят радовало.

– Я думаю, – убеждённо говорил один из парней, – что австрийцы специально играли плохо, назло!

Три месяца назад Германия произвела «аншлюс» – присоединила Австрию к себе. А мальчишки были уверены: Гитлер Австрию «слопал»! Кто ж добровольно захочет к фашистам? Вот и футбольная команда Австрии – она ведь вышла в финальный турнир! Теперь же

её словно и не существует, вместо шестнадцати команд играют пятнадцать, а лучших игроков-австрийцев немцы забрали в свою команду. Да просчитались!

– Я болею за бразильцев, – заявил Володя, и сразу же несколько ребят закричали одобрительно. – Они, конечно, должны были поддержать своих, не приезжать. Но всё равно! Чёрный Бриллиант – самый лучший бомбардир!

Все знали, что чемпионат мира должен был проводиться в Аргентине, но конгресс в Берлине решил, что это будет Франция. Южноамериканцы взбунтовались и не послали свои команды, приехали только Бразилия и Куба. И в каждой игре форвард Бразилии Леонидас да Силва, прозванный «Чёрным Бриллиантом», непременно забивал голы.

Всей командой ребята вышли за ворота школы и тут стали прощаться, крепко пожимая друг другу руки. Мимо них прошли несколько парней из команды соперника, тоже приостановились, прощаясь. Они ведь все были товарищами, да и матч провели дружеский, тренировочный. Шура Величко даже сказал Володе:

– Ты, Кандаур, конечно, вратарь что надо. Но я бы тебе точно забил, да камень подвернулся, что ли.

– Рассказывай! – тут же вступился за честь вратаря друг Мишка. – У тебя же бутсы почти дасслеровские. В таких не спотыкаются!

И кивнул на сетку, в которой хавбек нёс свою форму.

Все ребята знали, что Шура Величко сам себе сделал бутсы: не пожалел отличные кожаные ботинки, подрезал у них верх, на подошву набил шесть шипов. Причём сделал всё отлично – какой-то знакомый сапожник ему помогал. Ясное дело, настоящие бутсы от немцев братьев Дасслеров имелись лишь у футболистов команд высшего дивизиона. Но Шурка уверял, что его – не хуже.

Сначала Володя шёл ещё с тремя парнями, но потом остался только с Мишей Журиным – своим лучшим другом и соседом. Да, они жили в одном доме – двухэтажном особняке на улице Артёма. Миша был старше на год, но внешне этого заметно не было. Если бы Володя сказал, что ему пятнадцать, никто бы не усомнился: он был рослый, широкоплечий, сильный мальчик. Когда крутил на турнике «солнце», ребята сбегались посмотреть. Но вообще-то ему недавно исполнилось тринадцать.

– Я уже отнёс документы в училище, – рассказывал Миша, на ходу поглядывая на приятеля. – Записался в группу на токаря. Отец одобряет, говорит: «хороший токарь – соль рабочего класса». Тонкая профессия! Особенно сейчас нужная на нашем заводе, сам понимаешь...

Отец Мишки работал на заводе имени Коминтерна, был сталеваром, из самых известных – стахановцем. Завод продолжал по-старинке называться «паровозостроительным», но кто ж в городе не знал, что там вот уже несколько лет конструируют и изготавливают танки! Как раз на это Мишка и намекал. Но быстрые взгляды его явно относились не к этой «тайне». Володя сразу уловил: что-то хочет друг сказать ему, и тоже секретное. У него была интуиция на такие недоговорки-недомолвки. «Наследственное», – говорила, смеясь, мама, когда сын буквально по тону в голосе, по заминке или ушедшему в сторону взгляду сразу догадывался: что-то скрывают.

– Чего там у тебя, рассказывай.

Мишка словно ждал этого, замедлил шаг и понизил голос.

– Меня Серёга зовёт слазить с ним в подземелье, а я ему – лучше втроем, чем вдвоем, с Володькой Кандауровым надёжнее.

– Ничего не понял. – Володя даже остановился. – Ты можешь толком объяснить: какое подземелье, откуда взялось?

– Да вон, Серёга нас уже ожидает, он сам тебе расскажет.

Ребята как раз вышли по соединяющему переулку к своей улице, за два дома до особняка. На центральном крыльце сидел и щёлкал семечки ещё один их приятель, Сергей. Куль-

турно щёлкал: сплёвывал лужгу в бумажный пакетик. В старинном особняке проживали три семьи. Третьими как раз были родственники Сергея, его дядя и тётка. У них своих детей не было, племянника они любили, и мальчишка часто прибегал к ним, а то и оставался ночевать. Естественно, дружил с двумя своими сверстниками, живущими тут же. Особенно с Михаилом. Вместе с ним Сергей занимался во Дворце пионеров, в клубе «Юные исследователи Арктики», в кружке штурманов. Это был знаменитый клуб. Во-первых, потому что вёл его писатель Николай Трублаини – многие ребята любили его приключенческие и фантастические книги. А во-вторых, потому что ребята, вместе со своим руководителем, два года назад совершили самое настоящее плавание на ледоколе к островам Шпицбергена! Об этом писали во всех газетах, показывали в кинохронике. Сергей как раз ездил в это путешествие, часто рассказывал об айсбергах, белых медведях, Северном сиянии. Но Володя подозревал, что тот беззастенчиво цитирует книги Трублаини «В Арктику через тропики» и «Лахтак» – он и сам их читал. Но пусть даже и цитирует, всё же Полярный круг он видел своими глазами, а это здорово!

Володя год назад тоже ходил на занятия «Юных исследователей Арктики», в кружок связистов, даже научился собирать радиоприёмник, выходил на связь с зимовщиками полярных станций. Было интересно, но потом он решил больше внимания уделять спорту – это пригодится в той профессии, которую он для себя наметил. А Сергей и сейчас пропадает у Трублаини, собираются в поход на Кавказ, что ли...

– Пошли на вашу сторону, – мотнул головой Сергей, – поговорим.

Вход в квартиру Кандауровых был не с улицы, а со двора. Там не было прохожих и стояла скамейка. Мальчики сели, и Сережа рассказал... Его дядя работал инженером-геодезистом в службе городского благоустройства. Сейчас много чего в городе строится: рядом с тракторным заводом – целый рабочий городок, и здесь на площади Дзержинского, где уже стоит настоящий сказочный дворец – Госпром! – ещё и гостиницу Интернациональ, и Дом кооперации достраивают. Всё прямо на глазах вырастает! А теперь какая-то стройка затевается в парке Горького – совсем недалеко от них. Вот там, как раз, и Серёжкин дядя работы ведёт...

– Знаете, что там прокладывать будут? – Сергей потянул интригующую паузу. – Детскую железную дорогу!

– Здорово! Давно пора! И в Тифлисе есть, и в Днепропетровске, а Харьков больше этих городов.

Володя по-настоящему обрадовался. Два года назад, летом, его отец ехал в командировку в Днепропетровск. Сказал матери:

– Я возьму Володю с собой. Такое счастливое совпадение: завтра там как раз произойдёт открытие Детской железной дороги. Пусть посмотрит.

На вокзале отца встретили коллеги из Днепропетровского уголовного розыска, а Володю и ещё троих детей местных милиционеров повезли на открытие «Малой Сталинской» – так называли эту железную дорогу. Там всё делали ребята, такие же, как Володя или немного постарше: продавали в буфете пирожки, выдавали билеты в кассах, стояли проводниками у вагонов, и даже настоящим машинистом был парнишка. Все – в самой настоящей железнодорожной форме, с белыми фуражками. И паровоз, и вагоны были поменьше обычных, но тоже самые настоящие. Девочка – начальница станции, – дала отмашку флажком, паровоз загудел, и они поехали. Сами, совершенно без единого взрослого, а по вагонам ходили проводники-дети... Володя ещё тогда подумал: почему у них в Харькове не построят такую дорогу? И вот теперь, оказывается, строят, да ещё совсем рядом, в парке Горького!

От этих радостных мыслей он чуть не пропустил начало рассказа Серёжки. Тот, оказывается, три дня назад был с дядей на «объекте». Расчищали от деревьев, кустарника и всякого мусора часть парка, где планируется построить вокзал. Дядя что-то там доказывал прорабам, рабочие сбрасывали стволы и ветви в овраг, а Серёжка лазил среди порубок, представляя, что вот здесь проложат рельсы... А потом увидел блеснувший металл среди наваленных ветвей,

полез в овраг. Там и правда торчал слегка покореженный щит с ручкой на одной стороне и погнутым стволом.

– Пулемёт! Ну, без колёс, конечно, и не постреляешь из него, но ведь настоящий!

– И где он? – спросил Мишка.

– Там спрятал, у подземелья, – стал рассказывать дальше Сергей. – Я его из-под наваленных веток стал вытаскивать, увидел дыру – вроде пещеры. Её, наверное, поначалу там не было. А когда стали рыть, копать, мусор сбрасывать, она и открылась...

Дядя окликнул Сергея, попросил быть осторожнее, не травмироваться. Тот вылез наверх, сказал, что уже пойдёт домой. А сам незаметно вернулся по оврагу к пещере. Там было темно, но свет немного проникал, и Сергей разглядел кое-что.

– Коридор длинный уходит вглубь, и не простой – полукруглый и весь кирпичом выложенный! И стены, и потолок. Но я не пошёл дальше. Честно, побоялся – там скат в глубину довольно крутой. Пулемёт туда поближе подтащил, прикрыл его и вход толстым бревном и ветками, совсем незаметно стало.

– Интересно. – Володя хлопнул приятеля по плечу. – Получается, какой-то подземный ход! И никто о нём не знает?

– Ну да. Это будет наше открытие! Давайте пойдём туда завтра и всё обследуем?

– Подожди. – Володя остановил Мишку. – За эти дни там продолжали расчистку, а вдруг эту пещеру уже нашли взрослые?

– Нет, – Серёжа помотал головой. – Я только что оттуда. Специально тёте Тамаре сказал: «Пойду к дяде на стройку». Она собрала ему обед, я и сходил вроде как по делу. Незаметно посмотрел: ничего там не тронута, как я закрыл вход, так и есть. Сам спускаться туда не стал.

– Это правильно. – Володя немного подумал. – Давайте завтра! – сказал решительно. – Продумаем, какое снаряжение взять... Что же это, всё-таки, за подземелье?

– Может, монахи когда-то проложили склепы разные? – предположил Миша. – И хоронили там своих святых, в стенах замуровывали кости. Вот пойдём мы, а там торчат всякие черепа, пальцы скрюченные...

– Не пугай, – отмахнулся Сергей. – Я уже дядю вроде просто так поспрашивал: есть ли какие тайные ходы под нашим городом?

– И что?

– Говорит, что точно есть, кое-что даже известно с давних пор. Между богатыми домами прокладывали ходы.

– Чтоб сокровища хранить! – У Мишки глаза загорелись. – Может, мы там клад найдём!

– Ты своего деда расспроси, – предложил Сергей Володе. – Он наверняка знает, может даже ловил по этим ходам бандитов.

Володя кивнул. Он и сам уже подумал, что надо расспросить деда. Только очень осторожно, чтоб ни о чём не догадался.

Бабушка распахнула перед ним дверь, как только он взбежал на крыльцо. Ну конечно: она уже давно поглядывала из окна на компанию, сидящую на скамейке. Отец, само собой, был на службе, у мамы в её музыкальной школе ещё продолжались занятия. Да и в институте у деда шла сессия. А бабушка всегда дома, всегда ждёт его.

– Привет, бабуля!

Он всегда называл её так. Дедушку только «дед», а её просто по-другому не мог. Она всегда была рядом, потому и знала о Володе больше других и понимала его больше других. Никогда ни за что не ругала, только удивлённо склоняла голову с таким выражением лица, что мальчик тут же бросался к ней в объятия, чуть не плача. Это, конечно, когда был маленьким, повзрослев – краснел и просил прощения. Никогда ничего у него не выпытывала. Но, поразительно, так умела вести разговор, что Володя сам рассказывал ей о том, о чём умалчивал при родителях. Наверное потому, что бабушка над ним не охала, ничего не пугалась – у неё

самой была слегка авантюрная, бесшабашная натура. Не раз он именно с ней обсуждал сложные ситуации, и бабушка умела такой выход найти и ему подсказать, что он диву давался. И всё получалось! А ещё – она была очень красивой. Да, да, Володя видел бабушек своих приятелей – обыкновенные старушки. О его бабушке невозможно сказать «старушка»: она совершенно не гордится, наоборот – спина стройная, походка лёгкая, волосы густые, волнистые и, хотя сильно седые, всё равно видно, какого красивого каштанового цвета. Она подбирает их в причёску, как на греческих статуях. А глаза у бабушки большие, голубые и блестящие. Говорят, у стариков глаза бывают выцветшие. Нет, это не про неё. А ведь ей уже шестьдесят два года! И пережила она так много: сын – Володин дядя Саша, – погиб, дочь – Володина тётя Катя, – уехала за границу и неизвестно, что с ней. Правда, бабушка вовсе не одинока, и дед рядом с ней, и мама с папой, и он – её единственный любимый внук. Который тоже очень любит её...

Суп Володя вычерпал быстро – сильно проголодался. Пока бабушка насыпала в тарелку гречневую кашу и подкладывала со сковороды котлеты, он рассказывал ей о футбольном матче.

– Представляешь, три мяча взял! Ни одного не пропустил!

– Ну, положим, со своими друзьями ты не эту победу обсуждал. Мне кажется, с Мишей и Серёжей вы куда-то собираетесь.

Слышать она их не могла, даже если бы окно было распахнуто – Володя это точно знал. Значит, догадалась по жестам. Вот так бабуля! Ему не надо было забывать, что опасаться следует не только проницательного деда-сыщика, но и её, бабушку! Конечно, ведь дед рассказывал, что она ни раз помогала ему расследовать сложные преступления.

– Точно, собираемся. Директор просил завтра в школе подвал расчистить, вынести старые парты и всякий хлам. Мы там хотим шахматный клуб устроить.

Володя очень не любил врать вообще, а своим родным особенно. Но что поделаешь, если иногда лучше всего не говорить, вот как сейчас. Во-первых, скажи он о подzemелье, бабушка станет волноваться, мама вообще запретит туда ходить, а отец наряд милиции пошлёт на обследование. А значит, и похода не будет, и находок никаких. И друзей он подведёт, выдаст общую тайну. Это – во-вторых. Потому для подобных случаев Володя давно придумал ловкий ход: можно не обманывать, а просто увести разговор в другую сторону. Сделать отвлекающий манёвр – как в военной тактике. Ведь школьный подвал и правда просили помочь освободить, и ребята обещали.

– Хорошее дело, – тут же подхватила бабушка. – Я тебе достану старые брюки и куртку подходящую, чтоб не боялся испачкать.

– То что надо, – обрадовался Володя. – Я ещё возьму папин электрический фонарь, в подвале окошко завалено и почти совсем темно.

Он быстро выпил компот и побежал по деревянной лестнице на второй этаж. Там располагалась комната родителей и небольшая кладовка. Фонарь стоял на одной из полочек: квадратный металлический корпус с удобной ручкой и стеклом-линзой сбоку. Мальчик несколько раз щёлкнул рычагом-переключателем – лампочка была мощной, давала сильный широкий луч света, потому что была взята в воронку рефлектора. У неё имелось ещё два фильтра – красный и зелёный, они тоже могут понадобиться. Особенно Володе нравилось то, что фонарь был «военного» цвета, как танки или бронемашин, или артиллерийские орудия...

Для себя Володя уже решил окончательно – он станет офицером-артиллеристом. Год назад здесь, в Харькове, открылась артиллерийская спецшкола, куда принимали мальчиков четырнадцати лет, окончивших семь классов с хорошими оценками и знаками отличия. Как раз через год он заканчивает семилетку, учится хорошо, а уж этот последний год постарается изо всех сил. Ну а физическая подготовка, военное дело, которое в школе проходят все ребята и даже учителя, – здесь ученик Кандауров из самых лучших. Он непременно попадёт в артиллерийскую школу, а оттуда – в военное училище!

Володя знал, где находится спецшкола, не раз подъезжал трамваем до улицы Малопанасовской, смотрел на красивое трёхэтажное здание из красного кирпича, с высокими полукруглыми окнами. На ребят во дворе в форменных кителях, фуражках, брюках с красными лампасами. Он знал, что ребята здесь изучают военную топографию, воинский устав, проходят строевую подготовку, собирают и разбирают самые разные виды оружия, а летом вообще проходят практику в настоящих военных лагерях – даже стреляют из пушек. Ничего, через год он тоже будет всё это знать и учить.

Включив фонарь, он провёл лучом по полкам кладовки. Что это? Потянулся и взял с верхней тяжёлый деревянный футляр. Узнал его: это деревянная кобура для пистолета! Ещё, кажется, дедушкина, когда он служил в полиции. А может и отца – он с дедом начинал в двадцатые годы в красной милиции. В таких деревянных футлярах они носили пистолеты Люгера. Хорошее, конечно, оружие, но сейчас у отца другое, современное: пистолет ТТ – Тульский Токарева. Красивый, маленький, так и ложится сам в ладонь, Володя, конечно, пробовал! И носит его отец в кожаной кобуре.

Да, ему очень нравится ТТ, но и тот, из деревянной кобуры, тоже отличный. Особенно если вспомнить его настоящее название – парабеллум. Володя поднял включённый фонарик, взял кобуру так, словно это был пистолет, вытянул руку, прицелился...

– Пара-беллум! – проговорил сурово, насупив брови. – Готовься к войне!

Когда-то он слышал от дедушки, который любил повторять латинские выражения: «*Si vis pacem, para bellum*» – «Хочешь мира – готовься к войне». Его поразило, что знакомое название пистолета переводится так здорово.

– Готовься к войне! – повторил мальчик вновь, чувствуя себя сильным, отважным, непобедимым.

Глава 2

Андрей и Дмитрий пили крепко заваренный чай в кабинете начальника Уголовного розыска. Секретаря у начальника не было, и он сам, Андрей Фёдорович Троянец, вскипятил воду в чайнике на электроплите и теперь угощал своего первого помощника Дмитрия Кандаурова. И своего лучшего друга.

Когда-то Андрей, молоденький красноармеец, переведённый служить в харьковскую народную милицию, смотрел на Дмитрия с нескрываемым восхищением. Тот, к тому времени уже дипломированный юрист, успел поучаствовать в раскрытии интересных преступлений... С тех пор прошло двадцать лет, столько всего приключилось. Троянец никогда не скрывал, что по-прежнему считает Кандаурова более опытным и знающим сыскарем, чем он сам. Но... Дмитрий одно время служил в Добровольческой армии. Правда, не ушёл с Деникиным в эмиграцию, вернулся в родной город, да ещё и при героических обстоятельствах. Оттого и простилось ему «белое» прошлое, но вот начальником Угрозыска – не назначили. Хотя, по логике, именно он должен был стать им.

Когда в 1930 году в Харькове, как и во всей Советской Украине, учредили Уголовный розыск, руководить этой структурой предложили Викентию Павловичу Петрусенко. За два года до Октябрьской революции он возглавил управление губернской сыскальной полиции – то есть, был последним полицмейстером Харькова. И многие харьковчане ещё помнили, какой установился в городе порядок, каким редким событием стали тогда и кражи, и разбои. Да и просто гордились славой своего «сыщика Петрусенко» – так в просторечии называли талантливого следователя, раскрывшего многие запутанные преступления не только в своём городе... Викентий Павлович продолжал работать в милиции, официально – как руководитель Кабинета научно-судебной экспертизы и дактилоскопического бюро. Ещё в 23-м году такая структура была создана при милиции. Ну а на практике, бывало, принимал участие и в расследовании сложных дел. К тому же, как раз в том же тридцатом году в городе появился Институт советского строительства и права, и Петрусенко стал читать его студентам курс основ криминалистики. Когда председатель исполкома предложил ему возглавить Угрозыск, Викентий Павлович отказался. Сказал:

– У меня, конечно, опыт большой, но сейчас время новое, стремительное. Энергия молодых нужна, у меня такой уже нет. Пусть они берутся за дело, тем более ребята толковые, образованные. А я никуда не денусь, если будет нужна помощь.

Троянец и Кандауров оба были учениками Петрусенко. А Дмитрий – ещё и племянником Викентия Павловича. Оставшись в детстве сиротой, он воспитывался в семье дяди, с юных лет стал принимать участие в некоторых расследованиях следователя Петрусенко. Но и бывший красноармеец Андрей к тридцатым годам окончил рабфак, получил юридическое образование, показал себя на практике и находчивым, и смелым сотрудником. А за последние годы – и умелым руководителем.

– Ты был три дня назад с бригадой в Борках? – спросил Андрей, подливая кипятку себе и Дмитрию.

– Да, – кивнул тот. – Дело будет не простое, чувствую уже сейчас.

На небольшой станции Борки, в восьмидесяти километрах от Харькова, был найден мёртвый человек. Дмитрий выезжал туда с оперативной бригадой. Тело нашли в здании старой водоканализации, за станционными строениями. Несколько лет она стояла заброшенной, а тут решили запустить, стали ремонтировать и наткнулись... Уже сразу на месте врач, приехавший с бригадой, определил:

– Покойнику не меньше полугода.

Дмитрий согласился с ним, опыт определять на глаз «возраст» жертв у него, увы, был. Осмотр места ничего особенного не дал, кроме убеждения, что тело намеренно спрятали. Два выстрела – в область сердца и в голову. Оба могли быть смертельными. Но Дмитрий ещё там, в Борках, подумал: «Скорее всего сначала стреляли в сердце. А выстрел в голову... Или для верности, или для изуродования лица». Отстрелянную гильзу поблизости не нашли. Что ж, убийство могло произойти в другом месте, на водокачку принесли уже мёртвое тело. Бригада тогда осталась ещё на станции – обследовать местность, опрашивать людей.

– Что говорят эксперты? Есть результаты?

– Вон папочка лежит, для тебя приготовлена, – улыбнулся Андрей.

Дмитрий поставил стакан в подстаканнике на стол, приподнял бровь:

– Ты мне это дело отдаёшь? – Чуть прищурился: – Есть повод?

– Повод очень убедительный. – Начальник УГРО смотрел уже без улыбки, серьёзно. – Гильзу не нашли, сам знаешь, а вот пулю из тела извлекли, застряла она в черепе. И наши спецы её не только определили, но и узнали! Выпущена из кольта четырнадцатого калибра...

Андрей сделал такую многозначительную паузу, что Дмитрий сразу понял, о чём речь. Воскликнул:

– Это что же, оружие Брыся?

– Точно, Митрий! Именно этот кольт трижды участвовал в перестрелке с бандитами Брыся. А кто у нас лично ведёт эту банду? Ты, дорогой друг. Так что принимай тело и дело.

– Весёленький каламбур, – Дмитрий покачал головой. – Но тогда сразу же вопрос... Нет, не тебе, Андрей, а самому себе. Зачем тело спрятали? Ни разу такого не было, чтобы Брысь и его поделники прятали убитых. Оставляли прямо на месте убийства. А тут спрятали... Что, подтвердила экспертиза срок гибели?

– Да, ты прочтёшь более подробно, но если коротко – пять-шесть месяцев.

Дмитрий быстро прикинул:

– Получается, не позже февраля убили. Если бы закопали, мы могли тело вообще не найти. Но в феврале морозы сильные стояли, земля была как камень. Копать долго, трудно, кто-то мог увидеть. Они и спрятали в заброшенном месте, завалили досками, мусором...

– Ну вот, ты уже и начал расследование, – улыбнулся Андрей. – Давай, Митрий, набирай себе по этому делу бригаду, а я тебе любую помощь обеспечу.

Когда они оставались наедине, Андрей Фёдорович Троянец любил называть своего друга так, как когда-то в молодости – «Митрий».

Дмитрий вернулся в свою комнату. У окна стоял его рабочий стол – массивный, с двумя тумбами, рядом стул с высокой резной спинкой, кожаным сидением. На столешнице, обтянутой бордовым сукном, – бронзовый чернильный прибор, часы в деревянном футляре. Напротив располагался ещё один стол попроще, но он пустовал: лейтенант Виктор Качура находился в командировке, в Ворошиловграде. Дмитрий раскрыл папку, стал просматривать документы. Теперь это было его дело, нужно вникать в каждую мелочь.

Убитый: мужчина приблизительно тридцати пяти, сорока лет, худощавый, среднего роста. Так... Вот заключение из лаборатории: следов насилия нет, умер сразу от выстрела в сердце, в голову выстрел вторичен, да, как и сказал Андрей – около полугода назад. Ладони без мозолей, ногти коротко стриженные, чистые – скорее всего, физическим трудом не занимался. А вот заметки ребят из опербригады: одежда на мёртвом простая, даже простецкая. Потёртые брюки, старая рубашка, шарф, изъеденный молью, шапка-треух, пальто тоже не новое, демисезонное, а ведь был морозный февраль... И на погибшем не было нижнего белья, что тоже, учитывая морозы, странно. О, да и сапоги – кстати, большие, сорок пятого размера, – надеты прямо на босые ноги, без носков и портянок. Так, так... детали мелкие, но красноречивые. Своя ли одежда на убитом? Молодцы оперативники всё это заметили и описали, даже то, что рубаха застёгнута была вкривь и вкось, не на те пуговицы. Это тоже ложится в строку: или

одевался наспех, или – что очень вероятно, – заставили переодеться в чужое. Тогда вопрос – зачем?

– Будем искать ответ, – вслух сам себе сказал Дмитрий.

И подумал о том, что в свою розыскную бригаду возьмёт двух сотрудников из тех, кто выезжал тогда в Борки, и ещё Виктора Качуру – очень толковый парень, да и бандой Брыся вместе с ним занимается.

Эта банда проявилась осенью, но до сих пор для милиции оставалась «темной лошадкой». Возникла как бы ниоткуда и сразу на очень серьёзном деле. Дмитрий хорошо помнил бандитскую вакханалию двадцатых годов: грабили, убивали и по ночам, и среди бела дня, вламывались в частное жильё, громили магазины, склады, коопторги... Но уже году в 26-м городская милиция крепко взялась за воровские притоны и «малины». Сначала хорошо поработали квартальные уполномоченные и милицейские бригады: выявили все адреса, описали, взяли на заметку. Ну а потом – несколько рейдов подряд, не давая бандитскому миру опомниться, – и ликвидировали все точки. С этого началось тотально наступление на организованный бандитизм. К середине тридцатых город уже жил спокойно, люди не боялись ходить улицами даже ночью, а вместе с командами ночной охраны постоянно дежурили крепкие ребята из Бригады – Бригады содействия милиции. Где-то по отдалённым посёлкам ещё попадались случаи ограбления или конокрадства небольшими – по три-пять человек – бандгруппировками, но их быстро устанавливали и уничтожали. А вот чтобы в городе, да ещё так дерзко и организованно!..

Первое же дело этой банды было именно таким – дерзким и ловко совершённым. Ограбление почтового вагона. Это был очень надёжный вагон с бронированными дверьми, узкими прорезями окон под самой крышей, забранными в решётки. Он находился в середине состава, ехавшего в Москву, и как раз в тот день перевозил, вместе с обычными письмами и посылками, крупную партию золотых и серебряных изделий и часов в столичный Ювелирторг. Вернее, должен был перевозить. Но, как выяснилось позже в ходе следствия, в последний момент произошла неувязка с документацией на Часовой фабрике, где работал цех ювелирных изделий, вот драгоценности и не отправили.

Майор милиции Кандауров расследовал этот налёт. В тот день, в октябре прошлого, 37-го года, со станции Лозовой позвонили сотрудники железнодорожной милиции, и Дмитрий с опербригадой, на угрозском «форде», тотчас выехал туда. Это была первая остановка состава на пути следования, и лишь тогда обнаружилось, что почтовый вагон вскрыт и разграблен. Железнодорожная милиция, как отдельное подразделение, была всего лишь три месяца как создана, но коллеги сработали хорошо. В пассажирских вагонах провели опросы и кое-что выяснили. Были люди, которые обратили внимание на топот ног по крыше, двое, любовавшихся пейзажами, заметили бегущих от железнодорожного полотна мужчин, которые скрылись в лесополосе. Причём, ясно было, что они прыгнули с поезда, о чём один пассажир даже сказал проводнику. Но тот отмахнулся: «Так убежали же», но потом пообещал: «Приедем на станцию, доложу». Пассажиры из вагона, соседнего с почтовым, слышали громкий звук, вроде как взрыв. Но в это время за окном промелькнула какая-то стройка, над ней клубился дым, вот они и решили, что взрывные работы проходят там.

Сопоставили все сведения и определили время нападения. Поразительно, но поезд ограбили почти сразу после отправления, только он миновал платформу Новосёловка. А она – ещё в черте города. Правда, это окраина и дальше начинается лесополоса, места безлюдные. Из оружия охранника выстрела не производилось, сам же он был убит. Вернее, смертельно ранен, хотя бандиты, похоже, считали его убитым, не пристрелили. Но он дотянул до Лозовой – почти два часа, – когда же приехал Кандауров, уже скончался. Коллеги из железнодорожной милиции рассказали, что раненый сумел выговорить одно лишь слово – странное слово «брысь». Возможно, просто бредил.

Следствие зашло в тупик, хотя в самом начале казалось, что «зацепки» есть. Ясно было, что двери грабителям открыл сам охранник. Сразу выяснилось: на работу принят недавно, уволенный в запас старшина РККА, а значит – хорошая военная подготовка. Это была его третья поездка с почтовым вагоном, первые две прошли спокойно. Стали проверять документы – да, всё верно, служил в одной из воинских частей Харьковского гарнизона, потому и решил остаться здесь, в большом городе, а не возвращаться в деревню, под Тамбов. Был одинок, потому получил место в железнодорожном общежитии. Бывшими сослуживцами, соседями по комнате и теми немногими людьми, с кем столкнулся по новой работе, характеризовался одинаково: замкнутый, не общительный, друзей не имел. Что ж, это не преступление, однако черта характера красноречивая. Копнули глубже и обнаружили: по месту рождения и прежнего проживания, в указанной тамбовской деревне, такого человека никогда не было.

Как раз тогда, в тридцать седьмом году, во всей стране полностью завершилась паспортизация. Работники милиции знали, какое это было трудное и долгое дело. Но очень нужное. Много было выявлено скрывавшихся уголовников, многих людей восстановили в правах, вернув им их имена и семьи. Но, увы, такой охват и по территории, и по количеству народа, не обошёлся без ошибок. Кто-то воспользовался паспортизацией, чтоб, наоборот, скрыть своё истинное лицо, превратиться в другого человека. Убитый охранник, видимо, был из этих. Возможно, как и сам Дмитрий Кандауров, служил когда-то у «белых», боялся своего прошлого. Кто он в самом деле такой – оставалось неизвестным, но, похоже, не из уголовного мира: ни личность, ни отпечатки пальцев по картотекам не проходили. Но вот сумели бандиты найти к нему подход. Да только нужен он им оказался всего на один раз. Правда, этот «один раз» обернулся для налётчиков пустышкой. Однако знали, знали они откуда-то, что повезут драгоценности! Не от охранника: ему не докладывали, что везёт. Значит – на часовой фабрике или в ювелирном цеху имелся осведомитель. Вот только найти его оперативная группа не смогла... В вагоне бандиты взорвали сейф, выгребли денежные переводы. К счастью, их совершенно не интересовали перевозимые там же документы. А это были разработки нового танка БТ-9.

Дмитрий Кандауров хорошо знал, что на Харьковском паровозостроительном заводе создан Танковый отдел, где специальный коллектив талантливых конструкторов разрабатывает модели современных боевых машин. Всё, что там происходило, конечно же, было строго засекречено. В том пресловутом почтовом вагоне, во взорванном динамитом сейфе находились конструкторские проекты танка БТ-9: их везли на рассмотрение и утверждение в Москву, в Автобронетанковое управление РККА. Бандиты искали драгоценности и деньги, потому все документы просто выгребли из сейфа на пол. А когда покинули вагон – оставили нараспашку двери, ветер разметал бумаги не только в середине, но и выдул их на вольный простор. Поезд мчался, а секретные чертежи и разработки разлетались по рельсам, под откосы, морозящий всё утро и день дождь вмывал их в слякоть... Несколько фрагментов этих документов, затоптанные сапогами бандитов, нашлись в вагоне, остальные пытались собрать вдоль железнодорожных путей – отрядили на это группу солдат, – да безуспешно. Во всяком случае, отпала версия о покушении на шпионаж, к тому же, уже через неделю стало известно, что Москва отклонила проект БТ-9 как очень слабый.

Через неделю после нападения на вагон новая банда совершила налёт на крупный ювелирный магазин. И тоже не просто так, без разбора: накануне туда поступила большая партия ювелирных изделий, их ещё не успели выставить на продажу. Два человека были убиты, но оказался ценный свидетель. Он был заперт в маленьком коридоре между двумя дверьми чёрного выхода, и всё слышал. А дело происходило так: после полуночи к сторожу пришёл его приятель – дворник этого же двора. Не каждый раз, но такое происходило. Два приятеля только выставили на стол бутылку и разложили закуски, как в двери постучали. Сторожа окликнули по имени, и он испуганно прошептал: «Это зам нашего директора! Что ему надо?» При этом сгрёб всё со стола в коробку, а дворника потащил к чёрному ходу, открыл, толкнул: «В дру-

гой раз соберёмся» – и запер за ним двери. Дворник к своему удивлению оказался в тесном коридорчике, там была ещё одна дверь на улицу. Он дёрнул её – заперто. Сторож впопыхах, видимо, забыл об этом. Дворник вздохнул: придётся ждать. И тут же подумал: «Этот замдиректора скоро уйдёт, я тогда постучу, и мы продолжим». И чтоб не пропустить момент, вернулся к первой двери и почти сразу услышал сдавленный крик...

Дворник стал стучать в двери лишь тогда, когда в разгромленном магазине появились милиционеры. Им первым он рассказал то, что слышал. Потом повторил свой рассказ под протокол в кабинете у Кандаурова... Крик заставил его замереть, притаиться за дверью. Потому что это был смертельный, переходящий в хрип вскрик сторожа – он узнал голос. Потом грубый голос спросил: «Где сейф? Веди, быстро!» И дворник с ужасом понял: «Налёт! А приказали этому... заму...» Он стоял, боясь пошевелинуться, и молился о том, чтоб никто не заинтересовался дверью чёрного хода. Топот, обрывки голосов, звяканье железа – он догадывался, что происходит в магазине. Потом снова громкий, довольный голос: «Вязка с понтом! В самый цвет попали». И тонкий, переходящий на визг крик: «Что вы! Не надо! Брысь наказал мне выдать долю, я слышал...» И басистый хохот: «Это и есть твоя доля!». Раздался выстрел, потом удаляющийся шум. Настала тишина, которая показалась дворнику очень долгой.

Сторожа убили бесшумно, ножом. А вот когда сейф уже был взломан и опустошён, бандиты выстрелили в своего наводчика и сообщника – работника магазина. Они уже не боялись, потому что тут же ушли, растворились в ночных переулках – похоже, заранее продумали путь. Имя, которое услышал дворник – «Брысь», тут же напомнило слово умирающего охранника почтового вагона. Теперь можно было с большой вероятностью предположить, что это кличка главаря банды. Оба налёта совершались с помощью сообщников, которых тут же и убивали – второй раз не пригодятся, а выдать могут.

Ещё несколько удачных налётов провела эта банда. Теперь в УГРО она так и проходила – «банда Брысь». Хотя всё также оставалось неизвестным кто он, этот «Брысь», где обитают или собираются бандиты, сколько их. Просто призраки какие-то: наскочили, ограбили, убили, исчезли... Дважды они вновь безжалостно расправлялись со своими наводчиками. Несколько раз милицией проводились облавы по значным и подозрительным местам, работали негласные агенты, по ночам усилили патрулирование – безрезультатно. Лишь один раз появилась зацепка – в скупку были сданы золотые часы и кольцо из списка похищенных. Такие вещи должны были приниматься по документам, но делалось это далеко не всегда, как и в этот раз. Но перепуганный работник зато подробно описал клиента: лет 25–30, невысокий, худой, косая чёлка, на пальцах наколка «Лёня» и, что особенно важно, – верхняя губа рассечена небольшим, но заметным шрамом. Картотека УГРО быстро идентифицировала этого человека: гопник и карманник Леонид Величко по кличке «Кролик». Где он обитает после недавней отсидки, было неизвестно, но в городе у него имелись родственники. Дмитрий Кандауров сам навестил их. Пётр Григорьевич Величко, старший брат «Кролика», работал на тракторном заводе, наладчиком прессов в кузнечном цехе. Он рассказал историю своей семьи. Когда-то его отец, вдовец с двумя сыновьями, привёл в дом мачеху. От неё тоже родилось двое мальчишек.

– Кровь у этой женщины была поганой, что ли? – пожимал плечами Величко. – Мой родной брат Фёдор и я выросли нормальными, работающими, у каждого – семья хорошая. Вот и у меня жена там же, на ХТЗ работает фрезеровщицей, и сын в ФЗУ учится. Федя на Урале Кузбасс строил, теперь там на домне работает... А вот сводные наши братишки, Юрка и Лёня, с самого начала были как волчата. Хулиганистые. Юрка тоже сидел в тюрьме, спился, три года назад до смерти замёрз под забором. И Ленка из тюрьмы не вылезает. Мы с ним совсем не видимся, где он не знаем...

Где Леонид Величко находится, стало известно на следующий день. Его нашли убитым в подворотне на улице Ключковской. Он обитал там в деревянной пристройке, и хозяин этой халупы рассказал, что у жильца постоянно собирались компании, шли пьянки, громкие ссоры.

Соседи жаловались, но он не мог выселить Лёню – боялся его и его дружков. Опросили и соседей. Никто не жалел убитого, он мешал всем. Но все дружно подтверждали одно: накануне у Лёни было тихо. Свет горел, но ни шума, ни голосов не раздавалось. Описать его дружков, тем более кого-то назвать по имени, также никто не смог: «уголовники», «пьянь», «все на одно лицо»... Что ж, ясно – хотел урвать себе личный куш от добычи, и получил за это. Оперативники уже поняли: в банде «Брыся» дисциплина суровая.

... Вспоминая всё это, Дмитрий Кандауров вновь с досадой подумал, что нет у них никаких выходов на банду, а она как минимум дважды в месяц даёт о себе знать. Может быть этот, только что найденный труп, натолкнёт на что-то? Давно, конечно, произошло убийство, но ведь необычное оно, явно необычное. Всё, что выбивается из общего ряда, почти всегда может стать ключом – Дмитрий знал это по опыту.

Сложил документы и запер их в сейф, набросил пиджак, собираясь уходить. Работникам его отдела не обязательно было носить форму, вот он и был сейчас в светлых летних брюках, таком же пиджаке, парусиновых туфлях. Пистолет тоже остался в сейфе – Дмитрий брал его только когда шёл на конкретные задания. А сейчас он направлялся всего лишь в первый городской или, как его ещё называли, «медицинский» морг. Там работала анатомическая лаборатория милиции, там хранились тела, проходившие по криминальным делам, до тех пор, пока не отдавался приказ их хоронить. Убитый в Борках ещё не был похоронен, и Дмитрий решил лично осмотреть его более тщательно.

Не любил он бывать в этом месте. Слава Богу, давно уже не приходилось отсюда забирать своих ребят – убитых в перестрелках или на заданиях. И всё равно, если нужно было, старался отправить в морг кого-то из сотрудников. Но сегодня – даже объяснить этого не мог, – решил сам пойти, хотя особой необходимости не было. Не раз Дмитрию приходилось слышать лестное для него: «У Кандаурова исключительная интуиция! Наследственная...» Намекали, конечно, на его дядю – следователя Петрусенко. Да, вот уж кто умел мгновенно заметить детали, сопоставить, сделать вывод и принять решение. Конечно, Дмитрий много лет работал рядом с Викентием Павловичем, многому от него научился. Но как и Петрусенко, он хорошо знал, что ничего не происходит из ничего. *Ex nihilo nihil* – как говаривали любимые Викентием Павловичем древние римляне. И они были правы! Множество знаний и сведений – больших и мелких, – словно витают в воздухе вокруг того, кто бьётся над разгадкой тайны. Человек ощущает их присутствием особыми импульсами-подсказками. Тот, кто умеет улавливать эти подсказки, приобретает славу «провидца». Вот как нынче: что толкнуло Дмитрия пойти в морг? Он не мог сказать, но последовал этой «подсказке» без колебания.

Доктор Цветов, заведующий анатомическим отделением, сидел во дворе на лавочке. Здание морга, куда входили и самые разные исследовательские лаборатории, было обнесено высокой каменной стеной – от глаз любопытных, да и просто чтобы не травмировать людей.

– Митя! – окликнул он Кандаурова. – Ты ко мне? Присядь, я докурю.

Они знали друг друга много лет. Когда-то молодой медик Аркадий Цветов стал одним из первых сотрудников только что созданной при губернском управлении полиции судебно-медицинской лаборатории. Занимался и серологией – изучением особенностей крови, и токсикологией – наукой о ядах. Не раз помогал в расследованиях Викентию Павловичу, когда того ещё называли «сыщиком Петрусенко». Был одним из тех немногих дореволюционных сотрудников, кто остался на своём месте. И вот уже лет десять возглавлял патологоанатомическое отделение.

Пожимая руку доктору, Дмитрий сказал:

– Аркадий Петрович, хочу посмотреть убитого в Борках.

– Что-то не так? – поднял бровь Цветов.

Дмитрий улыбнулся:

– Да разве к вам могут быть претензии! Всё дотошно исследовано и описано. Но, понимаете, там, в Борках, когда тело нашли, оно ещё было как бы «ничё», я тогда лишь мельком на него глянул.

– Ясно, ясно. Теперь тебе его вручили?

– Точно. Вот и хочу сам посмотреть. Вдруг что-то не доглядел, не заметил.

– Пошли. – Цветов затанулся последний раз. – Надо, значит посмотрим.

Дмитрий заставил себя тщательно осмотреть тело – с ног до головы. Цветов, натянув длинные резиновые перчатки, помогал, осторожно переворачивал, попутно комментируя: этот кровоподтёк уже трупный, эта пулевая рана на бедре давняя, года три-четыре, эта ссадина, похоже, прижизненная... Ничего нового. Лицо убитого было изуродовано выстрелом. Казалось он, чуть повернув голову на бок, смотрит вывороченными глазами. Вздохнув, Кандауров уже собирался развернуться и уйти, но тут доктор, подчиняясь заданному ритму, повернул голову другой стороной. Открылась правая щека, более сохранившаяся, ухо, выстриженный висок... Дмитрий щёлкнул пальцами:

– Стоп! Оставьте так.

Он наклонился ближе, осматривая остриженные волосы убитого. Ещё раньше он обратил внимание, что волосы эти были густыми, тёмными. У него самого – почти такие же. И он, конечно, регулярно посещает парикмахерскую, обычно одну и ту же, недалеко от Управления. Там его знали и стригли всегда так, как он выбрал для себя когда-то: на висках и затылке покороче, под машинку, впереди и на макушке – ножницами, средней длины. Поскольку волосы у него были густыми и слегка волнистыми, они лежали свободно, открывая лоб. Многие из его знакомых и коллег стриглись приблизительно так же. Но были и такие, кто отпускал длинные пряди, зачёсывая их со лба на затылок, кто-то носил боковой пробор, кто-то щеголял «бобриком». Не то, чтобы Дмитрий на это обращал внимание, нет. Однако, профессиональный «сыскной» взгляд сам всё замечал и фиксировал – механически. Вот и теперь он сразу увидел – необычная стрижка. Раньше такой не встречал.

– Ещё немного поверните, – попросил он Цветова. – И ещё сильнее, посмотрю на затылок... Интересно, я никогда не встречал такой причёски. А вы, доктор?

Цветов пожал плечами, снял докторскую шапочку, с усмешкой погладил лысину:

– Да я вообще на это не обращаю внимание.

– Длинные пряди от всей ширины лба, – бормотал Дмитрий, пристально разглядывая. – А на висках и на затылке – очень коротко, да ещё какими-то бороздками... Нет, точно, никогда не встречал! Где же так стригут?

Он подумал, что надо расспросить парикмахеров. Но на пальцах разьяснять не стоит.

– Аркадий Петрович, я пришлю нашего фотографа, вы его знаете, Степанова. Пусть сфотографирует голову убитого, вот в этом положении. Вы поняли: меня интересует его причёска. Подскажите, что конкретно снимать, и поможете.

Через полтора часа в кабинет заглянул фотограф.

– Дмитрий Владимирович, я всё отснял. Когда нужны снимки?

– Завтра нужны, как напечатаешь – сразу ко мне.

Был уже вечер, но Дмитрий собирался ещё раз просмотреть все документы по Брысю. Не успел: зазвонил телефон, и знакомый весёлый голос закричал в трубке:

– Митя, ты ещё на работе? Так я за тобой сейчас заеду!

– Коля, – обрадовался Дмитрий. – Ты когда вернулся?

– Вчера вечером, – ответил на том конце провода Кожевников. – Сегодня весь день отчитывался о командировке, а сейчас уже свободен. Так что жди, и вместе – к тебе.

Глава 3

Когда-то, в военном шестнадцатом году, Митя Кандауров, ещё студент-юрист, познакомился с раненым бойцом Колей Кожевниковым – тот лечился в харьковском госпитале. Оба были молоды, особенно Николай – двадцать лет, а Дмитрий на два года старше. Кожевников был парнишка не простой: перед войной одна американская газета учредила крупную премию тому, кто пешком обойдет весь свет, без копейки денег, зарабатывая лишь продажей своих фотографий. Сибиряк 18-ти лет в это кругосветное путешествие отправился. Николай Кожевников был тем самым юношей. Он успел быстро обойти полсвета, опережая поставленный срок. Август 14-го застал его в Австралии. Здесь он узнал о начале войны. Парень прервал путешествие, решив ехать в Россию. Удалось найти русского консула, тот отправил его на пароходе в Японию, оттуда – в Россию. Из Сибири с одним из воинских эшелонов Николай попал на фронт – в Галицию, был зачислен в команду разведчиков. Полтора года на передовых позициях, два Святых Георгия, заслужил и производство в офицерский чин...

Ребята так крепко подружились, что у них не было друг от друга тайн. В то время Митя расследовал одно дело... Оно его касалось лично: была убита девушка, которая ему нравилась. И хотя всё выглядело как несомненное самоубийство, молодой студент-юрист заметил некоторые странности. Он сумел уговорить начальника губернского управления полиции поручить ему расследование. А начальником этим был в то время Викентий Павлович Петрусенко – его родной дядя. Навещая Колю Кожевникова в госпитале, Митя рассказал ему о своём деле. И тот не только подсказал ему кое-что, но и сумел выведать такие сведения, которые очень помогли. Потом они расстались на четыре года, в которые уместилось так много: революции, гражданская война... Встретились в Новороссийске: Дмитрий – офицер-белогвардеец, и Николай – большевик-подпольщик. Пришлось им спасать друг друга и обоим возвращаться в Харьков. Теперь, в 1938-м году, Николай Степанович Кожевников был авторитетной личностью: член Президиума Харьковского облисполкома, заместитель директора завода имени Коминтерна. Причём, тем заместителем, который курировал и создание танков. Специалистом он был отличным. Дмитрий ещё при их первом знакомстве отметил, что у Коли цепкий, любознательный ум и большая тяга к знаниям. В двадцатых годах Николай окончил Харьковский технологический институт, стажировался на знаменитых металлургических заводах Круппа в Германии. И первое его назначение на паровозостроительный завод было именно по этому профилю – руководить металлургическим производством.

Кожевников заехал за другом на синем «ЗИС-101», который ему был положен по должности. За рулём сидел сам – шофёра уже отпустил, да и любил он водить машину.

– Что, Коля, интересная поездка оказалась?

– Да уж, друг-Митяй, интересной, и поучительной, и... – Николай передёрнул плечами, – остерегающей, что ли. Подожди, приедем, расскажу вам всем вместе.

Месяц назад Кожевников поехал с делегацией специалистов от различных заводов за границу. В Германию, Италию и Швейцарию. Вот теперь вернулся.

В коридоре Николай снял свою летнюю белую фуражку с лакированным козырьком, причёсался у зеркала. Дмитрий смотрел на отражение друга: Коля, как и в молодости, был таким же статным синеглазым сибиряком с мощной мускулистой фигурой, русыми густыми волосами... Поймав внимательный взгляд друга, Николай вопросительно повёл подбородком: мол, что такое?

– Да так... Потом, – ответил вслух Дмитрий. – Вон, тебя уже встречают.

Первым в коридор выскочил сын Володька:

– Дядя Коля!

Было видно, что ужасно ему хочется повиснуть на шее своего любимого старшего друга, как всегда и делал в детстве. Но мальчишка сдержался и, сияя радостной улыбкой, протянул руку, получив в ответ крепкое рукопожатие. Ну а тётя, Людмила Илларионовна, конечно же обняла Николая, ласково погладила его плечи. Елена, жена, прикоснулась губами к щеке Кожевникова, а тот, воскликнув:

– Леночка, красавица! – расцеловал ей руки.

Обе женщины испытывали к Николаю особенное родственное чувство. Тогда, в Новороссийске, в памятном для них двадцатом году, Елена прятала и выхаживала раненого подпольщика Кожевникова, а Саша Петрусенко, сын Людмилы Илларионовны, вместе со своим двоюродным братом Митей Кандауровым, устроил ему побег. Саша... Он там и остался, в Новороссийске, навсегда.

– Мальчишки, мыть руки, – приказала Людмила Илларионовна, – мы уже накрываем стол.

– А Викентий Павлович? – спросил Николай.

– Мы подождём его, он на походе.

Ждать долго не пришлось. Почти сразу щёлкнул дверной замок, и весёлый голос позвал:

– Ну-ка, товарищ руководящий работник, покажись!

– Догадался, – кивнула Людмила Илларионовна.

– А он машину видел! – засмеялся Володя.

– Вот внук у меня, – Викентий Павлович вошёл в комнату, обнял Николая. – Аналитический ум! Ну что, как съездил? Всё получилось?

Они уселись на диван, пока женщины расставляли приборы. Николай с улыбкой смотрел на своего собеседника. Бог мой, сколько лет он знает Викентия Павловича, а тот вроде и не меняется! Слегка поредели и поседели волосы? Но они у него светлые, седина не бросается в глаза. Мягкая щёточка усов над губами, словно постоянно таящими усмешку, озорные серые глаза. Он выглядел моложе своих шестидесяти пяти лет – что значит быть молодым душой!..

– Дольше всего мы были в Швейцарии, да и понравилась мне эта страна особенно. Красивая, конечно: были мы в Лозанне на Женевском озере, в Альпах. Но красот, их везде много, а там такая страна, где людям жить хорошо. Да, капитализм, но какой-то... скромный, что ли. – Николай засмеялся, покрутил головой. – Что министр парламента, что клерк из банка – можно не различить, и одеваются одинаково, и на велосипедах ездят, и в одних кафе сидят. Люди сдержанные, но очень доброжелательные. Порядок кругом исключительный, нам бы поучиться. Да, Леночка? Ведь ты же была там?

– И мы с Людмилой Илларионовной бывали в Швейцарии во времена оны, – подхватил Викентий Павлович. – Не думаю, что за эти годы там многое изменилось. Эта страна стабильная во всём. Ну а дела, Николай, как шли?

– Туговато, Викентий Павлович. Не сильно-то стремится заграница к сотрудничеству с нами. Но, знаете, деньги всё же любит больше. Так что сумел я там, в Швейцарии, договориться через одну посредническую фирму и банк о покупке высокоточных станков из Американских Штатов для своего завода. И контракт заключил. Не только я – другие коллеги тоже. И для ХТЗ нашего, и для Челябинского тракторного, и уралыцы – с тяжёлого машиностроительного и вагоностроительного договорились.

– Ну, молодцы ребята! – кивнул Петрусенко. – А что Германия?

– Расцвечена багряным и чёрным – флагами со свастикой, – мрачно покачал головой Кожевников. – Вы же знаете, я в Германии жил целый год, дружил со многими. Немцы люди добрые, приветливые, работающие. Правда, с тех пор почти десять лет прошло, но характер народа не меняется. И сейчас нас встречали как будто бы радушно, но...

– Насторожённо? – спросил Дмитрий.

– Верно. Словно каждое слово контролируют, каждую улыбку. И все, даже самые штатские – продавцы в магазинах, например, даже не знаю, как объяснить... Будто форму военную надели – такой взгляд особенный, фразы короткие...

– А пролетариат? – вклинился Володя. – Там же пролетариат есть! Дядя Коля?

– С этим пролетариатом я общался непосредственно. Разрешили лично мне и ещё двум нашим съездить на заводы Крупа. Я ведь именно там стажировался целый год. Вот мы в Рурскую область и съездили, в Эссен и Рейнхаузен. Там, Володя, целые комплексы промышленные: железные рудники, угольные шахты, металлургические заводы и транспорт. Официально только сельскохозяйственное и горное оборудование выпускают. Но мы-то знаем, да Митя? – что понемногу, малыми партиями, но и танки, и артиллерийские орудия делают.

– И подводные лодки... В Голландию отправляют, – кивнул Дмитрий.

– Вот-вот! Готовятся к войне. А рабочие на этих заводах, ну словно уже под ружьём стоят, честное слово! Деловые, спокойные, всем довольные. Я нашёл нескольких старых знакомых, с которыми дружил, которые активистами профсоюзными были. И что? Они смотрят, словно сквозь меня, говорят: «Мы делаем всё, что нужно фатерлянду и нашему фюреру!» И я чувствую – в самом деле думают так. Боюсь, Володька, нет в Германии уже пролетариата!

– Они притворяются! – уверенно, с напором сказал Володя. – Они все, наверно, подпольщики, вот и делают вид, чтоб гестапо не схватило. А сами, наверно, готовят восстание!

– Эх, парень... – Николай притянул к себе мальчишку. – Думаешь мне не хотелось бы в это верить? Но ты бы видел, как маршируют молодые ребята и поют своего «Хорста Весселя»! А знаешь, какие там слова: «Знамёна ввысь...», а потом – о том, что с ними в колоннах шагают убитые Ротфронтом друзья. Что думаешь, эти тысячи шагающих – все буржуи? Как бы не так. Рабочие парни. И партия их называется национал-социалистическая рабочая... Хотя, конечно, это приманка, но на неё поймалась, похоже, вся страна.

Кожевников уловил тревожный взгляд Елены, понял без слов:

– Да, Леночка, Германия готовится к войне. Всё, что там происходит – всё на это нацелено. Сейчас, похоже, собираются Судеты прибрать к рукам. Вся Германия пылает возмущением: правительство Бенеша, якобы, преследует судетских немцев, в тюрьмах их пытаются, убивают...

– Сценарий апробированный, – кивнул Викентий Павлович. – Точно такая же подготовка была перед аншлюсом. – Значит, на очереди Чехословакия... И, поверьте мне, Гитлеру позволят это сделать, и Англия, и Франция. Думают, до них очередь не дойдёт!

Стол уже был накрыт, вся компания переместилась туда. Николай распаковал свёрток, который до того пристроил у дивана, поставил на стол бутылку необычной формы, с красивой этикеткой.

– Привёз из Швейцарии, но вино французское. Шато Латур называется.

Елена улыбнулась ностальгически:

– Давно такого не пробовала. Провинция Медок, апелласьон – вино высшей категории.

– Вот мы сейчас и выпьем это французское вино высшей категории за наших французских родственников и друзей.

Кожевников постарался произнести это торжественно, но голос его дрогнул от волнения. И тут же Людмила Илларионовна непроизвольно приложила руку к сердцу, а Елена обняла её за плечи.

– Ты видел их? – быстро спросил Викентий Павлович. Но ещё до того, как Николай покачал отрицательно головой, понял, усмехнулся с горькой иронией: – Да уж, кто бы тебе позволил встречаться с эмигрантами, князьями Берестовыми!

Князья Берестовы были самыми родными для Петрусенко и Кандауровых людьми. Всеволод и Екатерина – Лодя и Катюша... Они поженились совсем юными, Всеволоду Берестову было восемнадцать, Кате Петрусенко – шестнадцать. Всеволод родился во Франции и жил там

до семи лет, потом, вместе с сестрой Еленой, ещё два года. В его сознании Франция оставалась для него родиной, и почти сразу после свадьбы он увёз туда свою юную жену навсегда. Это было в 23-м году. Пятнадцать лет прошло, родители ничего не знали о дочери, сестра – о брате.

– Думаете, мне не хотелось увидеть их? Просто был уверен: найду какой-то ход, дам Севке знать, что я рядом, в Швейцарии, пусть приедет хоть сам, хоть с Катенькой! Ведь он же мой спаситель! – Николай повернулся к Дмитрию и Елене. – До сих пор удивляюсь, как он, худенький мальчишка, вытащил меня из воды раненого и волок на себе... Очень хотел его увидеть. Но один хороший и умный человек, с которым я рискнул поделиться, сказал: «И думать не смей! Сейчас обострились отношения с белой эмиграцией, попробуй докажи, что твои друзья не оттуда! Головы не сносишь».

– В самом деле, умный у тебя товарищ оказался. – Викентий Павлович обвёл всех взглядом. – Может, не все присутствующие знают, что Русский Обще-Воинский Союз нынче возглавил генерал Архангельский. Работал в Генштабе и царском, и большевистском до девятнадцатого года. Отменный оказался разведчик, причём – никто его не засылал, сам себе дал задание спасать офицеров. Предупреждал тех, кого ЧК готовилось арестовать, и переправлял группами в Добровольческую армию. С последней группой и сам ушёл. Прости, Николай, но я всегда считал его благородным человеком.

Кожевников махнул рукой.

– Может тогда он и был благородным, но сейчас его бойцы в Испании на стороне фашистов воюют, наших, между прочим, ребят убивают тоже... Но я не об этом. Да, Людмила Илларионовна, я их не видел, но кое-что узнал.

Людмила Илларионовна сидела прямая, бледная, но глаза сияли.

– Говори, Коленька, – сказала тихо, почти прошептала.

– Они живут во Франции, в Лионе. Но есть поместье под Парижем, в Сен-Жермен-ан-Ле. Знаете, что это?

– Конечно. – Елена с улыбкой обвела всех взглядом. – Это поместье приобрели ещё наши родители. Когда Лодя и Катюша уезжали, я передала ему все документы и на поместье, и на родительские денежные вклады. А Сен-Жермен-ан-Ле – прекрасное место между Парижем и Версалем, много зелени, прямо на берегу Сены. В Сен-Жерменском замке подолгу жили и дети Екатерины Медичи – юные Валуа, – она улыбнулась Володе, – это из которых королева Марго. И дети Генриха Четвёртого.

– Это который Людовик Тринадцатый, из мушкетёров, – в тон ей добавил сын.

Все засмеялись. А Викентий Павлович спросил внезапно дрогнувшим голосом:

– И наши внуки... они тоже там бегают? У нас ведь есть внуки?

– Трое! – торжественно провозгласил Кожевников. – У Берестовых два сына и дочка.

С радостным вскриком Людмила Илларионовна припала к плечу мужа, тот крепче прижал её к себе:

– Ну, Коля, порадовал ты нас! Оказывается, у нас так много внуков...

– Племянников, – подхватил Дмитрий, ловя счастливый взгляд Елены.

– Это значит, у меня за границей есть двоюродные братья?

Это задумчиво протянул Володя, словно не зная, радоваться ему или огорчаться. И обвёл всех таким растерянным взглядом, что компания рассмеялась.

– И двоюродная сестра, сынок! – кивнула ему Елена. Добавила с иронией, разведя руками: – Прости, так получилось.

Но Володя уже решил, что новость всё-таки хорошая, и спросил заинтересованно:

– А фотографии их вы не привезли, дядя Коля?

– Нет, – серьёзно ответил Кожевников. – Как её получишь? Тайно фотографировать, так я не агент разведки. Попросить у Севы и Кати, послать к ним кого-то? Во-первых, человека

подставить, а во-вторых... Значит сказать им, что я рядом, в Швейцарии. Севка бы не удержался, приехал... Нет, нельзя было.

Они вновь наполнили бокалы, вновь выпили за своих родных и любимых в далёкой Франции, вспоминали, прикидывали, сколько же лет тем мальчикам и девочке, на кого они могут быть похожи... Потом разговор сам собой вернулся к заграничной поездке Кожевникова, к гитлеровской Германии, к белой эмиграции.

– Я, Николай, вспомнил генерала Архангельского и своё отношение к нему, – вернулся к оставленной теме Викентий Павлович. – Но то, что он делает сейчас... Понимаешь, они там, в эмиграции, тоскуют об утраченной Российской Империи, и не видят, что наша страна и есть продолжение этой империи... Да-да, не возражай! С другим строем, другими лозунгами, но цели, цели те же! Посмотри сам: сильная, ничего не боящаяся держава, очень быстро ставшая на ноги после огромных потрясений. Сумевшая сохранить ту же территорию. И за граница так же относится к нашей стране, как относилась к России – не любит и боится. А наши офицеры-эмигранты, называющие себя патриотами России, становятся на сторону наших врагов.

– Особенно преуспел в этом генерал Туркул... Дядя, я помню, вы с ним дружны были.

Викентий Павлович кивнул:

– Да, Митя, верно.

И вспомнил, как в девятнадцатом году, летом и осенью, когда Харьковом управляло правительство Добровольческой армии, он часто общался и с генералом Май-Маевским, и с полковниками Штейфоном, Туркулом... Теперь генерал Туркул за границей создал и возглавил Русский Национальный Союз Участников Войны. Эта организация разбросала по странам Европы свои отделения и серьёзно готовилась к вооружённой акции против СССР. Туркул и его соратники изо всех сил призывают западные правительства к войне против Сталина, готовы сотрудничать и с Гитлером.

– Там тоже чувствуют, что война близко, что она будет. Вот только не понимают, что призывают врагов на свою родину... Потому, Коля, прав твой товарищ, удержавший тебя. Встреча с эмигрантами тебе бы не простилась.

Кожевников достал коробку папирос:

– Пойду подымлю.

Дмитрий направился с другом за компанию, хотя сам никогда не курил. Они стали на крыльце, оперлись на перила. Раньше, с веранды, по этому крыльцу можно было выйти в небольшой сад, обнесённый кованой оградой. Ограда давно была убрана, несколько деревьев стояли, но садом их назвать было нельзя. Да и веранда особняка, раньше полностью принадлежавшего семье Петрусенко, была переделана под кухню.

– Что, Митяй, нравится тебе моя причёска? – лукаво спросил Николай. – Я заметил ещё когда причёсывался, посматриваешь на неё. – Засмеялся. – Не ты один, многие обращают внимание.

– Да уж, необычная. – Дмитрий заставил друга повернуть голову в фас, потом посмотрел затылок. – Оттуда привёз, из-за границы?

– Точно, там сейчас такая стрижка модная. Мне в Швейцарии парикмахер предложил, я и согласился. А что, очень даже красиво!

– Тебе идёт, – согласился Кандауров. – Я видел сегодня уже такую. В морге. Наверное, тому парню тоже шла.

Кожевников прищурил глаза, сделал крепкую затяжку, всем видом показывая: «Говори, я слушаю». И Дмитрий рассказал всё то небольшое, что знал.

– Иностранец... – протянул Кожевников с удивлением. – Или, как и я, выезжал за границу.

– Оба эти контингента – иностранцы и командированные за рубеж специалисты, – доподлинно известны. Даже если не из нашего города, всё равно узнать возможно. – Дмитрий хлоп-

нул друга по спине. – Ну, Коля, говорил я давным-давно: тебе у нас, в сыске работать нужно. Помогаешь, даже сам о том не подозревая!

– В сыске ты и без меня справишься, а там, где я сейчас – ох, как не просто...

– *Suum cuique*, – изрёк Петрусенко, выходя на крыльцо с трубкой в руке.

– И ваши древние латиняне как всегда правы, – кивнул Николай. – Каждому, конечно же, своё.

– Дядя, Николай рассказал такие страшные вещи. Я, конечно, много знал, но вот глазами очевидца... Какую же силу набрал Гитлер, фашисты!

Дмитрий вернулся к недавнему разговору, и Викентий Павлович понял, что услышанное продолжает волновать племянника.

– Война непременно будет, долгая и жестокая. Враг силён... Что я могу ещё сказать.

У Мити, как в детстве, когда он сильно гневался, сошлись брови на переносице, покривились губы:

– Зачем же от народа это скрывать? И что война нас ждёт, и что Гитлер настолько силён!

Викентий Павлович уже раскурил трубку, выпустил первые кольца дыма.

– Не это скрывают, дорогой. Это не скрыть. Вон, почти всю Европу фашизм подмял, всё на пути сметает. Как это скрыть... – Он посмотрел в глаза своим молодым собеседникам. – Нет, скрывают другое: что мы слабы, пока ещё, по сравнению с врагом.

Николай слушал молча, и Петрусенко почувствовал: он его понимает. Но Митя, горячась, воскликнул:

– Зачем же?

И Викентий Павлович ему ответил:

– Мальчик мой, представь... Если изначально знать, что мы слабее врага, у людей будет страх, паника, неверие в свои силы. А нужен энтузиазм. «И врагу никогда не гулять...» – вот что нужно. Вера! Вера – основа всего. Пусть потом будет не так, но вера окажется неистребимой и непобедимой.

Лоб у Мити не разгладился, но он спросил уже не так напористо, мягче:

– И мы победим?

– Непременно! И ты это тоже знаешь.

– И я знаю, – сказал Коля Кожевников. Улыбнулся широко: – Латиняне говорят: «Думай о будущем, но живи настоящим» Или нет такого афоризма? Значит, я сам придумал.

Он поднял палец, прислушиваясь. – Слышите, рояль! Пойдёмте, я так люблю, когда Леночка играет!

Глава 4

Полчаса прошло, как Володя сменил Сергея на боевом посту. Нет, это была не игра. То, что четыре дня назад они обнаружили в подземелье, детскими игрушками не называется. Тротиловые шашки, вот что это было! И теперь каждый из них сидел в засаде по несколько часов, выслеживая – кто же наведается к тайнику. Сегодня с утра дежурил Серёжка, Володе выпало дневное время. В подземелье было прохладно, и мальчишки ещё тогда, сразу, припрятали в нише шерстяной свитер, вязаную шапку, тёплые гетры. Володя натянул всё это на себя, уселся на каменный выступ в виде скамейки. Фонарик был при нём, но он без надобности его не включал, потому что недалеко, вверху свода, имелась щель – оттуда тянуло свежим воздухом и проникало немного света. Володя готов был к тому, что и сегодня ничего не произойдёт. Но он терпеливо отсидит свои часы. Мысленно мальчик вернулся в тот день, когда они впервые спустились в подземелье.

Никто не видел их на этом склоне, заваленном сучьями и обрубками стволов. Они, конечно, соблюдали конспирацию, но и людей тут уже не было – рабочие переместились дальше, там пилили деревья, копали землю. Серёжа указал друзьям место:

– Здесь. Что, заметно?

Володя пригляделся: что-то темнело за переплетением веток. Одобрительно кивнул:

– Молодец, хорошо замаскировал.

Они быстро расчистили пролом – не весь, а так, чтоб можно было залезть. Рядом из земли выступали толстые, причудливо переплетённые корни дерева, которое уже срубили. От него остался неохватный пень и вот этот узел таких же мощных корней. Сергей протянул между ними верёвку, заверил:

– Здесь будет надёжно.

Но сначала попросил Володю:

– Посвети вниз, какая там глубина?

Мальчишки склонились над отверстием. Мощный луч ушёл вниз, выхватил сводчатый тоннель. Сергей кивнул:

– Хорошо, верёвки хватит.

Володя видел, что спуск не очень глубокий, идёт под наклоном. Можно, конечно, и просто так спуститься, но трудно, да и потом – как вылезать? Сергей уже завязывал узел – ловко, умело. Миша глянул на Володю, сказал восхищённо:

– Серёга у нас лучше всех узлы вяжет, когда мы в походы ходим. Микола Петрович всегда его хвалит.

Сергей услышал, усмехнулся:

– Да это как раз простой узелок, «штык» называется. Для крепления верёвки за бревно или вот так – кивнул на корни, – в самый раз. Очень надёжен как раз при натянутой вниз верёвке. Если налаживать переправу через реку, или связывать две верёвки, или спускаться со скалы, там нужны другие: юферсный, бабочка, булинь, а то ещё – стремена...

Володя на минутку даже пожалел, что не ходит в походы с ребятами Николая Петровича Трублаини. Сам он умел завязывать только узел «восьмёрку». Но когда верёвка была опущена вниз, в пролом, он тут же забыл об этом. Все трое склонились над дырой, Володя повёл фонариком.

– Иди первым, Серёга, – сказал. – Ты же первооткрыватель.

– Пусть Мишка, – отказался тот. – Я проконтролирую.

Серёжа отошёл к узлу, чтобы проследить, как тот натянется при нагрузке, Володя ухватил за верёвку у края пролома. А Миша ловко и быстро спустился, крикнул снизу:

– Порядок!

Володя и замыкающий Сергей быстро очутились рядом с ним. Осветили уходящий вглубь коридор. Он был широкий: расставленные руки стен не касались. И пригнуться не приходилось, хотя, подпрыгнув, они свода коснулись. И стены, и свод обложены буро-красным кирпичом. Серёжка поводит по нему ладонью, одобрительно сказал:

– Аккуратная кладочка... И старая, сразу видно.

Володя вспомнил, что приятель летом помогал деду в деревне сарай строить – разбирается.

– Пошли, пошли! – Торопил их Мишка. – Вон, смотрите, дальше поворот! Может, там чего есть?

– Думаешь клад найти?

– А для чего такие подземелья строить? Тайные! Чтоб прятать что-то! Ты, Володька, не смейся. Найдём клад, так на него можно самолёт будет построить, или на нашем заводе танк. И назвать его «Юный Ворошиловский стрелок»!

– Я не против. Пошли.

И Володя пошёл первым, светя фонариком. Пол, по которому они шли, был земляной, ровный, но ноги словно пружинили.

– Как на болоте, – сказал Володя, присаживаясь и освещая. – Смотрите, здесь полно водорослей, что ли.

– Это ил, – кивнул Сергей. – Вон, и на стенах внизу тоже. Тут, наверное, осенью или весной вода стоит. Сейчас высохла, а всё равно сыро.

И точно, мальчики поёживались от сырости и холода. Но азарт был сильнее – что там, за поворотом? А за поворотом ход разветвлялся на две галереи. Они повернули направо. Но скоро коридор сузился, пошёл заметно под уклон и оборвался глухой стеной. Володя осветил её, и Сергей, как специалист, тут же заметил:

– Кирпич совсем другой. Наверное тут был ход дальше, но его заложили.

– Давайте разобьём, – воскликнул Мишка с энтузиазмом. – Там что-то спрятано, точно! А то бы зачем замуровывать?

– Не разобьёшь, – возразил Сережа, – даже если и ломом. Капитально сделано.

– Так, пошли в другую сторону, – решил Володя. – Всё равно сейчас ничего не сделать. А потом видно будет.

Они пошли по другой галерее, но тоже далеко не продвинулись. Сначала стали спотыкаться о камни, земляной мусор, в потом фонарик выхватил впереди целую грудку битых кирпичей, вывороченной земли.

– Обвал, – сказал Володя, водя фонариком, – всё, дальше хода нет. – А впрочем... Ну-ка, посвети.

Он отдал фонарик Мише и полез по камням вверх, стал выбирать и сбрасывать вниз кирпичи, нагнулся и вновь забрал фонарь.

– Здесь большая щель, и вроде бы сквозная. Давайте попробуем разобрать.

С полчаса мальчишки, сменяя друг друга, выворачивали из завала кирпичи, комья земли и бетона, по цепочке передавая вниз.

– Хорош, – наконец сказал Сергей. Он уже сумел просунуть голову и плечи в сделанный проход, посветил там фонариком. – Пролезть можно, а там тоже есть ход.

Прежде чем двинуться дальше, мальчики посоветовались и решили, что сделанная ими дыра надёжна, не завалится – она была вверху, там, где стена смыкалась с низким сводом. По очереди, помогая друг другу, они протиснулись в неё и очутились вновь в сводчатой галерее. А когда этот ход повернул направо – в просторной квадратной комнате.

– Подземный зал! – восхищённо воскликнул Мишка. – Глянь, колонны и стол каменный!

И правда, здесь потолок был не сводчатый, а ровный, и его подпирали два каменных четырёхугольных столба. И выложено всё было не кирпичом, а серым тёсаным камнем. У одной

стены тоже из такого камня был сложен стол, с двух его сторон – подобие скамеек. Ребята пошли по комнате, оглядывая неглубокие ниши в стенах, в которых тоже были устроены невысокие выступы-сидения.

– Точно зал, – не унимался Мишка. – Здесь, небось, какое-то тайное общество собиралось ещё при царе!

– Или подпольщики-революционеры, – согласился Володя. – Может, здесь была тайная типография, газеты и листовки печатали.

– Эй, тут что-то есть! – позвал Сергей из другого угла.

Там тоже была ниша, но значительно глубже, без каменного выступа. В ней что-то стояло, прикрытое серым, под цвет стен, брезентом. Даже при свете фонаря этот схорон можно было бы проглядеть, просто Сергей зашёл туда и на ощупь понял, что под рукой не камень, а материя.

– Здесь какие-то ящики, – уверено сказал Володя, ощупав брезент. – Давайте посмотрим.

– Клад, я же говорил, что найдём клад!

Мишка первый ухватил и потянул накидку, ребята стали помогать. Перед ними открылись два ряда деревянных, стоящих друг на друге ящиков. Никаких надписей, наклеек, маркировки.

– Берём один, поставим на тот стол, – скомандовал Володя.

Они втроем перенесли один ящик на каменный стол.

– Тяжёлый! Вот здорово! Открывай скорее!

Из наплечной сумки Володя достал припасённый инструмент: кусачки, молоток, маленький топорик. Несколько досок у ящика быстро отскочили, фонарик приблизился вплотную...

– Это что, мыло? – с недоверчивым удивлением спросил Сергей. – А зачем его прятать? Ведь точно, спрятано же было!

В ящике лежали аккуратно сложенные бруски размером с хозяйственное мыло, каждый завернут в красновато-бурую плотную бумагу. Володя провёл по ней пальцем и ясно почувствовал, что бумага пропитана парафином. У него сильно заколотилось сердце. Он сразу понял, что перед ним, и с непроизвольным чувством превосходства глянул на Сергея. Конечно, тот ходил в походы и отлично вязал узлы, но в военном деле, похоже, был слабоват. Да и в школе на занятиях не всё проходили, Володя посещал дополнительный курс у военрука. Он бережно взял в руки один из брусков:

– Это не мыло. Это тротилловая шашка. Называется «малая», размер десять на пять и на два с половиной сантиметра, вес двести грамм. Видите, на торце отверстие. Это – запальное гнездо.

После долгой паузы Мишка шёпотом спросил:

– Кто же это тут спрятал? Зачем?

Не отвечая, Володя вернулся к схорону, откинул полностью брезент. Посчитал:

– Два ряда по три ящика. Шесть. В каждом ящике – он наклонился ближе, освещая – не меньше сорока штук.

– Ого! – Мишка вскрикнул и прикрыл рот ладонью. – Это же можно взорвать...

– Целый завод, – закончил Володя, и голос его стал жёстким.

Мальчики переглянулись.

– Но, может, это просто склад? – нерешительно произнёс Сергей.

– Склады боеприпасов все под контролем, под охраной. Да ты и сам не веришь...

– Диверсанты, – опять прошептал Мишка и завертел головой, оглядываясь. – Шпионы! Точно готовят подрыв чего-то. Может, и правда нашего завода!

– А если эти ящики тут давно стоят? Ещё, например, с гражданской? О них просто забыли, и теперь взрывчатка испортилась. Здесь так сыро, сами видите.

– Нет, – уверенно возразил Сергею Володя. – Тротил не может отсыреть. Даже если он десятки лет пролежит в земле или просто в воде – не испортится.

– Да ну, прямо в воде? – не поверил Сергей.

– Именно! И здесь он недавно. Обрати внимание – на брезенте и пыли-то нет. Кто-то сюда затащил эти ящики недавно, спрятал. А для чего взрывчатку прятать? Мишка прав – для диверсии.

Гордый от собственной проницательности, Мишка тут же задал вопрос:

– А как сюда эти ящики затащили? Сюда же нет хода! Тот, по которому мы пришли, он же случайно открылся... Может, по нему?

Сергей сразу ответил:

– Нет, он был завален точно так, как я сделал. Ручаюсь, никто его не видел, даже не подходил.

– Тогда, наверное, ящики затащили сюда через тот, другой коридор, где стенку поставили. Ты же говорил, Серёга, что кирпич другой и его недавно положили!

Мишка победно оглядел друзей – он вошёл в роль проницательного сыщика.

– Может и так... – протянул Сергей нерешительно, но потом всё же не согласился. – А зачем после закладывать ход? Да ещё так капитально! Если тротил для диверсии, как его быстро и незаметно вынесут отсюда?

– Значит, надо искать ход! – подвёл итог Володя.

Они давно заметили в потолке небольшую щель – тянуло сквозняком и немного проникало света. Но высвечивался лишь небольшой участок комнаты, как раз над столом. Володя стал водить фонарём по кругу, освещая стены. В какой-то момент остановился:

– Так, ребята, всё-таки это ступеньки. Давайте там посмотрим.

Ещё когда они первый раз обходили комнату по периметру, они заметили в одном месте небольшой склон с неровными краями. «Похоже на ступеньки» – мимолётно мелькнула у Володи мысль. Но не зафиксировалась. И тогда они особенно стены не рассматривали. Сейчас он подвёл друзей к этому месту.

– Смотрите. – Три небольших, очень разрушенных уступа спускались под наклоном. – Мне кажется, это были ступеньки когда-то.

– Похоже... – неуверенно протянул Мишка.

– А если да, то они куда-то вели... Постойте, поставлю фильтр.

На стекло фонаря Володя приладил красный фильтр, стал водить лучом как можно ближе к стене над «ступеньками». И сразу увидел, как под красным светом обозначилась слабая, но заметная полоса. Повёл по ней – вверх, направо и снова вниз. Прямоугольник чуть повыше его роста! Он постучал по нему кулаком.

– Ребята, это дерево. Дверь деревянная, точно! Штукатуркой замазана, под цвет стен.

– Замаскирована! – Мишка метнулся к столу, притащил молоток. – Давайте разобьём!

– Глупости! – Сергей отобрал молоток. – Она наверное крепкая. Только шуму наделаем, себя выдадим. А засова нет... С той стороны открывается, что ли?

– Ключом. – Володя уже нашёл замочную скважину, показал друзьям. – И с той, и с этой стороны открывает... Тот, кто сюда приходит.

– Вот бы узнать, кто это!

Мишка осторожно поглядел на Володю, а Серёжа напрямую спросил:

– Отцу расскажешь?

Володя понимал, что их находка – это очень серьёзно. Они, ребята, и так большое дело сделали – обнаружили тайный склад боеприпасов. Но... Это же разные вещи: найти склад и выследить того, кто его навещает! Если выследить – вот это уже будет поступок. А так получается: полезли без спросу в катакомбы, откуда могли и не вернуться – мало ли что! Баловство, скажут взрослые, а то, что наткнулись на ящики – повезло. За расследование возьмётся милиция, а о них напрочь позабудут. Володе уже сейчас стало жаль себя и друзей. Несправедливо! Серега ход обнаружил, Мишка на поход всех сагитировал, он сам догадался, что в ящиках.

Теперь вот они дверь тайную нашли... Никто им это и не вспомнит, только ругать станут... А вот если выследят, кто тротил спрятал, да кто сообщники – будет здорово! Ведь наверняка шпионы вражеские, враги! Может, о них самому товарищу Сталину расскажут, или даже...

Тут Володя сам себя мысленно одёрнул. Ну да, представилось на минутку, что их пригласят в Кремль, что товарищ Сталин пожмёт им руки, поймёт, как любят они свою страну, готовы на всё... Но это так, фантазии. Надо делать дело.

– Давайте обсудим, – сказал он ребятам. – Сможем мы проследить сами, не спугнём этих... подрывников?

И они выработали план. Каждый день, с утра до вечера, они станут дежурить здесь, сменяя друг друга.

– А если эти ночью придут? – спросил Миша. – Мы явимся утром, а ящиков нет.

– Ночью опаснее, – ответил Володя уверенно. – По ночам знаешь, как город патрулируют! И милиционеры, и бригадмилыцы. Увидят, что кто-то ящики тащит, непременно остановят.

– Так на машине повезу, скорее всего.

– Тем более, машину ночью точно тормознут, документы проверят. И обязательно груз... Нет, днём гораздо безопаснее, днём машин много ездит, их не проверяют, только если какое-то подозрение...

– Я через две недели уеду в поход по Крыму.

Володя понял Сергея: писатель Трублаини повезёт ребят из своего Клуба в путешествие.

– Вот мы и определим себе срок – две недели, – сказал он. – Если за это время никого сами не выследим, обо всём расскажу отцу. А ты, Серёга, перебирайся к нам в дом, к тётке и дяде жить на это время. Скажи, что так тебе удобнее в Клуб ходить, готовиться к поездке. Мы будем все трое рядом жить, действия свои координировать.

Место для засады они выбрали там, где ход из галереи поворачивал в подземную комнату. Спрятавшись за поворотом, можно будет наблюдать за вошедшими людьми. А если кто-то захочет заглянуть в галерею, будет время спрятаться в одной из близких полуобвалившихся ниш или просто ускользнуть за следующий поворот.

– Но этого не потребуется, они наверняка знают, что дальше только тупики.

– Точно, – поддержал Мишка Володю. – О нашем лазе ведь никому не известно. Зачем им ходить проверять. Ну, только если шум какой услышат...

– А мы шуметь не станем, – закончил Володя.

И вот теперь он четвёртый раз заступил на свой боевой пост. Прошло около часа, наверное, он встал, походил немного, разминаясь. Каменный выступ, который Володя облюбовал под скамью, находился у самого поворота комнаты в галерею. Потому, когда раздался скрежет ключа в скважине двери, мальчик мгновенно оказался там, за поворотом. Да, он ждал этого момента: двери откроют, зайдут... За четыре дня немного расслабился, но отреагировал мгновенно, почти инстинктивно. Сердце сильно колотилось, но не от страха – от возбуждения, от ликования. Дождался! Всё правильно рассчитал! Теперь не упустить, не упустить!..

Дверь открылась, по комнате метнулся луч фонаря. Мальчик отпрянул, прижался к стене. Вновь осторожно глянул за угол. Увидел: ловкая фигура быстро прошла к середине комнаты, повела фонариком в сторону ниши-схорона, направилась туда. Володя порадовался: какие они молодцы! Ещё тогда, в первый день, приколотили на место оторванные доски у ящика, поставили его на всякий случай в нижний ряд, укрыли ящики брезентом и даже сверху положили три камня – так, как и было вначале... Мальчик видел, что вошедший – невысокий худощавый мужчина в кепке и пиджаке. Но лица не разглядеть. Человек возился в нише, луч фонарика перемещался вверх-вниз. «Считает ящики, – понял Володя. – Может, возьмёт один? Если просто проверяет, то сейчас уйдёт!» Вот теперь он испугался. Если этот неизвестный уйдёт, он закроет двери, и за ним не проследишь! Тогда для чего их засада, дежурства?

Быстро сбросив шапку и свитер, мальчик шагнул в комнату и, почти прижимаясь спиной к стене, противоположной той, где находился пришелец, заскользил к двери. Больше всего он боялся споткнуться, зашуметь, ведь двигался почти в темноте: света от щели в потолке было мало. Боялся не успеть – обернётся тот, с фонариком... Но успел. Дверь была приоткрыта, и он, ловкий, гибкий, протиснулся в щель.

Впереди вновь была галерея – Володя это понял, потому что глаза уже привыкли к темноте. Но чтоб быстро и бесшумно пройти вперёд, надо было включить фонарик. Он рискнул и почти бегом помчался до увиденного впереди поворота. Там облегчённо передохнул, осмотрелся. Здесь ход был поуже, сводчатый потолок ниже, а кирпич – даже на глаз заметно, – значительно старше. А ещё он заметил, что ход пошёл под уклон – на подъём. «Надо идти вперёд, на разведку, – решил мальчик. – Коридор один, боковых ходов нет, так что этот тип только здесь пройдёт, не разминёмся».

Ему повезло – боковых ответвлений галерея не имела и дальше. Несколько раз поворачивала, то вправо, то влево, так, что Володя совсем потерял ориентацию. Но это его не волновало, главное – тот, за которым он следит, пройдёт именно этим путём. Иногда Володя останавливался, прислушивался. В какой-то момент услышал отдалённые шум, и ускорил свои шаги. Тот, кто шёл за ним, не осторожничал, видимо, не опасался ничего. А вот мальчик старался бежать бесшумно. «Должен быть выход, скоро уже. А если тоже заперт на ключ? Что буду делать?» В этот момент луч фонаря как раз и высветил дверь, на этот раз железную. Запертую... Но Володя не успел испугаться – сразу увидел, что дверь закрыта на засов. А на каменном выступе, рядом, лежал замок с торчащим из него большим ключом. Несколько секунд Володя стоял, переводя дыхание, понимая – надо открывать засов. Конечно, тот, кто идёт сзади, насторожится, но делать нечего, другого выхода нет – в прямом и переносном смысле. Посомневается, потревожится, да решит, что сам забыл закрыть. Никого ведь не встретил, ничего подозрительного не увидел...

Володя потянул железную полосу, боясь услышать скрип. Но тяжёлый на вид засов пошёл, как по маслу. И точно, он был смазан машинным маслом – мальчик почуял запах, да и ладони испачкались. Ясное дело: те, кто сюда ходят, тоже не хотят скрипа, смазали... Дверь тоже не скрипнула, когда он плотно прикрыл её за собой. С этой стороны на двери были приварены две железные скобы. «Вот для чего замок, – догадался мальчик. – Навешивают с этой стороны, закрывают на ключ. А ключ, небось, только у них». Он понимал, что человек в подземелье – не один, наверняка целая организация. Диверсанты...

Вперёд тоже уходил коридор, но короткий, и там, за поворотом, пробивался электрический свет. Побежав туда, Володя очутился в хозяйственном подвале – он это сразу понял. Висящая под потолком лампочка тускло освещала ряд закрытых на замки подвальных. Такие часто устраивали в нижних этажах домов, здесь жильцы хранили всякие старые вещи, инструменты, консервацию, запасы овощей... «Значит, это какой-то дом... Интересно, где же?»

Вход в общий подвал закрыт не был. Проскочив несколько каменных ступеней вверх, Володя выбежал из подъезда во двор. И даже присвистнул радостно: и двор, и этот дом были ему знакомы. Двухэтажный дом прямо на центральной улице, на Карла Либкнехта, но двор – внутренний, на улицу выход через арку. С одной стороны этого дома – училище для слепых, с другой – знаменитая «вилла Юзефовича». Ещё до революции этот настоящий дворец построили для богача, владельца газеты «Южный край» Юзефовича. Все в городе его знают – самый красивый дом в центре. По низу, полукругом – балконы с колоннами, вверх – балконы с вазонами, а сама вилла окружена каменной оградой с красивым кованым орнаментом сверху, с такими же коваными железными воротами. Но больше всего Володе и другим ребятам нравились белоснежные мраморные львы над воротами – по два с каждой стороны. Хорошо, что теперь этот дворец не для одного человека служит: в нём теперь размещается Общество старых большевиков...

Мальчик прикинул: получается, по подземному ходу он прошёл через сам парк и ещё два жилых квартала, примыкающих к парку. Ну конечно, это ведь старые дома, их строили ещё в прошлом веке, и катакомбы, наверное, тогда же проложили. Интересно, а те, кто в этом доме живут, знают, что из их подвала начинается подземелье? Кто-то наверняка знает...

Володя сразу подумал о том, что здесь, недалеко, его родная школа. Из этого двора точно есть ребята, кто тоже там учится. Это может пригодиться. А пока он уселся на лавку под кустом сирени, снял тёплые гетры, которые не успел сбросить раньше. Сам не спускал глаз с подъезда. Вот-вот должен появиться тот самый... Невысокий худощавый парень вышел во двор, цепко оглянулся. На мальчишку, царапающего прутиком по земле, не обратил внимания. А Володя весь напрягся: он узнал ловкую фигуру, пиджак, кепку. Точно, тот самый. Теперь он видел и лицо: узкий лоб, неопрятные волосы, губы в кривой ухмылке. О таких говорят «сявка».

Парень пошёл к арке, Володя, лениво встав, направился следом. На улице было многолюдно, всё-таки центр города, здесь и в будние дни народу хватает. Дед и родители всегда называли улицу по-старому – Сумская. Ясно, они так привыкли. Но с самого рождения Володи она была Карла Либкнехта, он по-другому её до сих пор не воспринимает. Хотя год назад ей вернули старое название, она вновь стала Сумской. Старшим хорошо – им перепривыкать не нужно...

Не спуская глаз со спины парня, но и не подходя близко, мальчик прошёл училище слепых, свернул в сторону улицы Тринклера. И здесь произошло неожиданное. По Тринклера ходили трамваи, один как раз дребезжал мимо, и «сявка» вдруг ловко, на ходу, прыгнул на подножку и покатил, держась за поручень. Володя мог бы побежать, догнать трамвай и тоже запрыгнуть на бампер второго вагона, но не стал этого делать. С трудом удержал себя. Ведь тот непременно бы заметил, мог бы узнать – видел же во дворе на скамейке. А если б узнал – догадался бы о слежке. Нет, такого допустить нельзя!

Нужно было поскорее возвращаться к себе домой, хорошо, что здесь не далеко. Ребята ждали, Мишка готовился сменить его в подземелье. Теперь в этом нет необходимости, свои дежурства они перенесут во двор дома у виллы Юзефовича. Вход и выход из подземного тайника с тротилом только оттуда, там и будут они ожидать тех, кто явится за ящиками.

Глава 5

У Елены как раз в середине дня было два часа свободных – «окно» между занятиями. Все ребята ушли на сольфеджио, следом у них будет хор. Только потом у неё продолжатся уроки с учениками, ещё с четырьмя.

Она преподавала игру на фортепиано. Поразительно, как много детей учится сейчас музыке, а, значит, многие родители этого хотят. Лет пять назад люди о таких вещах и не думали – жизнь была трудной, голодной. Но, надо признаться, не унылой, а полной надежд. Теперь эти надежды сбывались – работали заводы, шли занятия в институтах, открывались стадионы, театры. Вот и захотелось не только интеллигенции, но и тем, кто стоял у станков, чтобы их дети приобщались к культуре. К музыке... Её музыкальная школа, одна из самых первых в городе, была переполнена, открывались новые. Елена вела учеников всех возрастов – от первого до седьмого классов. Было много способных ребят. Ученики её любили, и она знала, что многие родители просят определить ребёнка именно к ней, Елене Романовне Кандауровой.

Когда-то, ещё совсем девочкой, в шестнадцать лет, она начала преподавать в Московском пансионе, который и сама заканчивала. Графиня Гагина, покровительница пансиона, говорила тогда Леночке откровенно: «Твои маленькие ученицы тебя обожают. Не каждому учителю удаётся внушить детям и такую искреннюю любовь, и такое беспрекословное послушание одновременно. Я слышала о твоём покойном батюшке, как о педагоге, много хорошего. Тебе по наследству достался его талант». Это она вспоминала Василия Николаевича Лобанова – человека большого ума и педагогического таланта, но простого, крестьянского происхождения. Как раз до шестнадцати лет Елена даже не подозревала, что он не родной, а приёмный отец, спасший её, новорождённую, от смерти... Давно всё это было, иногда Елене казалось, что и не с ней.

Она собралась сходить на время «окна» домой – здесь было не далеко, – но у самого входа столкнулась с Танечкой Рёсслер, своей лучшей подругой.

– Леночка, – воскликнула та, – ты свободна? Вот как я угадала! Пойдём со мной в ателье, я шью там костюм, как раз первая примерка. Ты посмотришь, хорошо ли, лучше тебя никто не скажет! Пойдём, а потом посидим в твоём любимом кафе, это ведь рядом.

Года полтора назад появились в городе первые ателье индивидуального пошива одежды, а в магазинах горторга – отличные, качественные ткани. Рядом с привычными ситцем, сатином, шерстянкой теперь был большой выбор: креп, фуляртин, коверкот, бостон, шевиот и разных расцветок тонкие – вольта, маркизет, батист, зефир, шёлк, крепдешин... Женщины на улицах города, особенно молодые, преобразились, как по-волшебству: платья, костюмы поражали не дороговизной, а элегантностью и разнообразием, вновь возникли надолго забытые сумочки, шляпки...

Таня Рёсслер уже шила себе в ателье – это было демисезонное пальто. Но Елена пользовалась услугами портнихи. Во-первых, дешевле, во-вторых – ничуть не хуже. Мария Самсоновна ещё до революции, молоденькой девушкой начинала швей в известной частной пошивочной мастерской. Опыт у неё был такой, что совершенно безошибочно она кроила прямо на клиентке. А Елене всегда говорила: «У вас такая прекрасная фигура, ткань сама ложится...» И никогда не ошибалась, не приходилось перекраивать или перешивать. Вот и сейчас на Елене было сшитое портнихой файдешиновое платье синего цвета, удлиненное, внизу слегка расширяющееся красивыми складками, с треугольным, тоже в складках, вырезом, сколотым брошью, с рукавами-фонариками до локтя и под поясок. На Татьяне платье было из шёлка в диагональную полоску оттенка чайной розы – очень модная нынче расцветка. И тоже модные туфли – кожаная лодочка на невысоком каблучке с удлиненным носком, на перепонке. Всё-таки это были дорогие туфельки, Елена носила попроще: светлые прюнелевые на перепонке с пуговкой. По утрам она их чистила зубным порошком, заодно начищая летние парусиновые туфли сына и

мужа... Подруги шли по многолюдному, солнечному центру города, весело переговаривались и чувствовали себя молодыми, красивыми... Елена в какой-то момент мимоходом подумала, что ей сорок четыре года, и даже улыбнулась: нет, нет, она не ощущает этих лет! А Таня тем более – Таня моложе её на шесть лет...

Пока закройщица колдовала над своей клиенткой в примерочной кабинке, Елена села в кресло у столика, стала листать журналы мод. Хорошие журналы, с моделями лондонских, венских, берлинских домов мод – совсем недавно такое и представить было трудно... Таня вышла, покрутилась перед подругой. На ней был ещё не совсем законченный, прихваченный на живую нитку костюм: узкая, до середины икры, юбка, слегка расклешённая и плиссированная внизу, блуза с кружевными вставками, приталенный жилет. Елене понравилось, хотя она и сделала пару замечаний. А ещё она обратила внимание – или показалось? – что Танечка необычно возбуждена и очень оживлённо рассматривала в зеркало себя в новом наряде... «Уж не влюбилась ли?» – возникла догадка. И пока Елена вновь ждала подругу из примерочной, ей вспомнилась самая первая встреча с Таней Рёсслер – восемнадцать лет назад.

Это было время пронзительного счастья и великой печали для их семьи. Митя не ушёл с Добровольческой армией в Крым и дальше, в эмиграцию, вернулся в родной Харьков. И не один – с ней, Леночкой Берестовой, любимой и любящей. Но там, в Новороссийске, откуда они бежали, спасаясь, остался навсегда младший брат Мити, девятнадцатилетний Саша Петрусенко. Он принял на себя пулю, предназначенную Дмитрию, и умер у них на руках... Викентий Павлович мужественно перенёс смерть сына, он понимал, что тяжкое время Гражданской войны почти никого не оставило без контрибуции. Людмила Илларионовна пережила это только потому, что рядом были и муж, и Митя, и младшая дочь Катюша. И они, брат и сестра Берестовы, ставшие членами семьи. События почти десятилетней давности, когда семья Петрусенко впервые столкнулась с Леночкой и Лодей Берестовыми, так неожиданно продолжились: Елена стала женой Дмитрия, а её брат Всеволод – мужем Кати Петрусенко. Но Лодя и Катюша поженились только через два года, в двадцатом они были ещё очень молоды – шестнадцать и четырнадцать лет. Для Людмилы Илларионовны Лодя незаметно как бы трансформировался в Сашу, очень она его полюбила...

Вот тогда, в двадцатом году, где-то через месяц после возвращения из Новороссийска в Харьков, Лена и встретила Таню Рёсслер. Стоял конец раннего тёплого апреля, деревья покрылись первыми листочками, в одном месте на улице Пушкинской, по которой шла Лена, цвели абрикосы. И вдруг к ней бросилась девушка, совсем юная:

– Вы Лена? Вы Мити Кандаурова жена? Я знаю, я видела...

Она схватила Елену за руку, говорила взволнованно, отрывисто, тёмные её глаза блестели. Невысокая, хрупкая, с непокрытой головой, в расстёгнутом пальто... Елена не успела ничего понять, как девушка быстро сказала:

– Я была бы вашей родственницей, мы бы вместе сыграли свадьбу! Сашенька... Он был моим женихом!

И зарыдала, припав к плечу Елены. Она поняла, что девушка говорит о Саше Петрусенко, наверное они встречались, любили друг друга. Комок подступил к горлу, стало тяжело дышать. Она обняла вздрагивающую девушку, стала гладить по тёмным волнистым волосам... Потом Митя говорил ей, что да, Саша и Таня Рёсслер нравились друг другу, даже иногда встречались, ходили вместе на какие-то праздники, в театр, но больше проводили время в общих компаниях. И Саша никогда не признавался ему, что испытывает к Тане особенные чувства.

– А он, Леночка, всегда всё мне рассказывал, я у него был поверенным всех тайн, и сердечных в том числе.

Она возражала:

– Может быть то, что как раз о Тане он с тобой не откровенничал, и говорит о серьёзных чувствах. Теперь этого никто не может знать.

А вот Людмила Илларионовна поверила сразу. В семье Петрусенко Таню Рёсслер знали давно: и потому что она дружила с Сашей – была из одной с ним компании. И потому, что её младшая сестрёнка Эммочка была одноклассницей Катюши. Да и просто с семьёй Рёсслеров они были давно и хорошо знакомы: ещё со знаменитым Таниным дедом Иоганном Юмом, много сделавшим для благоустройства Харькова. Людмиле Илларионовне так хотелось видеть в Тане невесту погибшего сына! Таня и раньше была вхожа в их дом, а теперь стала, как родная. И особенно подружилась с Еленой.

Годы шли, Таня оставалась одинокой. Уже давно вышла замуж Эмилия, её младшая сестра, росли племянники. Они все продолжали жить в своём собственном особняке на Пушкинской улице – красивом, четырёхэтажном, который когда-то построил для семьи их дед. Но, конечно, как и семья Петрусенко, делили теперь этот особняк с другими жильцами. У Тани, как у бессемейной женщины, была всего одна комната.

Елена не раз думала, что если бы Саша не погиб, и он, и Таня могли бы легко расстаться со своим юношеским увлечением – и в самом деле, были ведь ещё очень молоды. Остались бы друзьями, потом каждый встретил бы свою любовь, создал бы семью... Она называла это «эффектом Ромео и Джульетты»: не случись трагедии, юные венецианские влюблённые могли бы впоследствии расстаться. Но смерть их соединила навсегда. Вот и Таня... Долго она не могла забыть Сашу, никто в её глазах не был лучше его. Но время шло, парни постарше и даже её ровесники завели семьи. Елена знала, что Таня уже и не против была бы иметь опору, поддержку – то есть, мужа, но с годами встретить того, кого полюбишь, и кто полюбит тебя, становилось всё труднее. Да и привыкла Таня к такой вот независимости...

Но сейчас, сидя с подругой в кафе, Елена поглядывала на Таню и вновь убеждалась – да, Танечка возбуждена, весела и кокетлива. Такими бывают женщины влюблённые... ну, или, хотя бы, увлечённые кем-то. Мужчиной!

«Кафе» – так подружки говорили между собой. Но вообще-то эта точка общественного питания носила название «Пирожковая». Когда они первый раз зашли сюда, Елена сказала:

– А что, очень неплохо. Похоже на кафе...

Небольшая светлая комната, несколько столиков, покрытых приятными льняными скатёрками, на каждом – вазочка с цветами. Стойка, к которой из кухни постоянно выносят дымящиеся подносы с пирожками, блинчиками, булочками... Так и повелось у них – «кафе». Правда, кофе здесь не подавали, но чай с лимоном был, похоже, хорошего сорта и крепко заваренный. И теперь они заказали чай, блинчики, пирожки. Елена, всё ещё под впечатлением своих воспоминаний, спросила Таню:

– Я тебе рассказывала, что именно Саша сосватал меня за Митю? Кажется нет.

– Нет, – воскликнула Таня, наклоняясь к ней через стол. – Никогда не рассказывала! Это там, в Новороссийске?

– Гораздо раньше. – Елена улыбнулась своим собственным воспоминаниям. – Саше было тогда, наверное, лет десять. Ну да: моему брату – семь, а Саше – десять...

Таким памятным в жизни Елены было лето 1911 года, что она сама увлеклась, вспоминая и рассказывая подруге. И так интересны были все происходившие тогда события, что Таня слушала с широко распахнутыми глазами, вскрикивая и хлопая в ладоши. Елена, конечно, не всё рассказывала ей – только то, что касалось лично её, брата Всеволода и семьи Петрусенко. Она не стала упоминать о судьбе двух других людей – Максима и Глаши, как раз тогда чудом нашедших друг друга. Но сама она знала их дальнейшую историю, правда – не до конца... Максим Мельников и Глафира остались вместе и вскоре уехали жить в Сибирь. В тот год, в начале сентября, террористом был убит Пётр Аркадьевич Столыпин, но реформы, начатые им, продолжались. Продолжалось и переселение крестьян в Сибирь, на Дальний Восток, в Северный Казахстан. Максим и Глаша обосновались в одной из переселенческих деревень на Иртыше. Им было легче других – у них не было детей... Подумав об этом, Елена невольно улыбнулась,

хотя это была печальная улыбка. Она вспомнила, что первенец Мельниковых, их дочка, была похоронена под её именем – княжны Берестовой... Но, тем не менее, преодолев первые трудности, Максим обустроил своё хозяйство и вскоре стал заниматься не только хлебопашеством, но и торговлей. Сплавливал хлеб по Иртышу, для этого приобрёл суда. Через время стал скупать пушнину – построил несколько постоянных дворов на тракте, держал конный транспорт. У него были работники, приказчики и, по сути, Максим уже был купцом и промышленником. После революции и гражданской войны Мельниковы уехали в Харбин, ставший центром русской эмиграции на Дальнем Востоке. Однако вскоре Китай перестал признавать эмигрантское правительство Российской империи, подписал соглашение с СССР. В Харбине появилось консульство Советского Союза, от русских харбинцев потребовали принятия советского подданства. Многие так и поступили, но не все. Мельниковы были глубоко верующими людьми – на своей судьбе они испытали провидение Божие. Они не захотели оставаться в безбожной Советской России, и с некоторыми другими семьями эмигрантов уехали в Аргентину... Всё, дальше Елена ничего о них не знала.

Рассказывать об этом было долго, и потом – Елена считала, что не имеет права. Хотя и связанная с ней, но это была чужая история. Да и Таню интересовало лишь то, что касалось Саши – любое воспоминание о нём. И то самое, когда Сашенька, десятилетний мальчик, называл её, взрослую девушку, Алёнкой. И как в имении Замок под Серпуховым, незадолго до расставания, Саша приглашал её с Лодей к себе в гости, в Харькове, и сказал: «У меня есть брат Митенька, ему тоже семнадцать лет, как и тебе. Он красивый, весёлый, очень хороший. Может, он тебе понравится, и вы поженитесь!»

– Представляешь, когда я о Мите первый раз услышала! А Саша, совсем мальчик ещё, но уловил между нами сходство. Не просто так сказал, не случайно! Только я тогда этого не понимала, посмеялась. И Викентий Павлович посмеялся, когда я ему рассказала. А видишь, как всё получилось...

У Тани влажно заблестели глаза, она сказала со счастливой грустью:

– Саша был самым лучшим... Другого такого нет...

Подруги уже допивали чай, и Елена поглядывала на часы, как Таня вдруг спросила:

– Леночка, у нас на курсах есть вакансия, как раз для тебя. И зарплата у нас хорошая, ты же знаешь.

– А что, – спросила Елена, – разве в городе и французы работают?

Таня преподавала на курсах, где русскому языку обучались приехавшие по контрактам иностранцы – сейчас в городе много было зарубежных специалистов.

– Угадала, французы тоже есть, – засмеялась Таня. – Но их всего два, и с ними есть кому работать. Но ты ведь, кроме французского, отлично владеешь и немецким, я же знаю. А вот здесь у нас дефицит, только я и ещё один учитель. А немцев, австрийцев как раз больше всего. Есть очень интересные люди! Вот у меня три месяца обучается Гюнтер Хартман – уже неплохо говорит по-русски. Правда, он начинал изучать русский самостоятельно. Он очень способный, умница. Представляешь, он австрийский коммунист, бежал от аншлюса к нам, сюда. И отличный архитектор, строитель, сейчас руководит строительством двух домов, кажется для завода Коминтерна. Один – очень интересной конструкции, для руководящих работников, инженеров, а второй – попроще, но там будет больше квартир, это для рабочих семей...

– Похоже, этот Гюнтер и в самом деле уже хорошо говорит по-русски... Или это всё он тебе по-немецки рассказывал?

– Нет, нет, именно по-русски! – Таня не заметила весёлой иронии подруги. – Я ему запрещаю говорить со мной вне занятий по-немецки.

– Так вы встречаетесь и после занятий?

– Иногда... – Танечка немного смутилась, поняв, что проговорила. – Он такой любознательный, общительный... и просто хороший. Столько пережил...

«Значит, Гюнтер, – обрадовано подумала Елена. – Это хорошо, если понравился настоящему. Может, что-то получится».

Но идти работать на курсы она отказалась.

– У меня большая нагрузка в своей школе, – сказала. – Домой попадаю только под вечер. Володька совсем беспризорником бы бегал, если б не Людмила Илларионовна.

– Володенька у вас с Митей чудесный мальчик, – воскликнула Таня. – И очень самостоятельный. Нынешние ребята все такие – слишком взрослые, что ли, для своего возраста... Но Леночка, ты хотя бы приди как-нибудь ко мне на занятия, я тебя познакомлю с Гюнтером!

– Хорошо, – согласилась Лена. – Выберу на днях время. Мне самой интересно – ты так расхвалила его... Посмотрю, как он владеет русским языком.

Глава 6

Утро началось с оперативной летучки. Дмитрий собрал свою группу – обсудить сделанное, наметить ход расследования, определить задание каждому.

Сделано было много, но, увы – результат не велик. Хотя ребята очень старались. На специальное совещание собрали всех квартальных уполномоченных города, с их помощью взяли на учёт любое мало-мальски подозрительное жильё, проверили, за вызвавшими особый интерес, установили наблюдение. Ведь вот же: жил Леонид Величко разгульно, шумно, и стоило обратить на это внимание – глядишь, и на банду вышли бы... Теперь проверяли все «весёлые» точки, но пока безрезультатно.

Продолжались поиски и расспросы на станции и прилегающих посёлках Борки, Тарановка, Кирюхино. Но там не было случаев исчезновения людей. Самым вероятным оказалось предположить, что убитый был пассажиром, ехал из далёкого города.

Через эту маленькую станцию шли поезда из Москвы, Кременчуга, Сум, Полтавы. В эти города и другие, стоящие по пути следования, были даны запросы: не разыскивают ли родственники уехавшего ещё зимой по железной дороге пассажира. Такие были, но среди них не оказалось похожего на убитого. И всё-таки зацепка появилась, отличился молодой оперативник Григорий Зарудный. Он опрашивал, уже не в первый раз, работников станции, просил их вспомнить всё, что привлекло хотя бы маломальское внимание в январе или феврале. И не пропустил мимо ушей реплику дежурного по станции: «Так ничего же такого... Ну было, в феврале один состав нарушил расписание, стоял аж целых полчаса. Люди тут ходили-бродили, спрашивали, где царский поезд перевернулся...» Зарудный вцепился в дежурного мёртвой хваткой, заставил вспомнить всё: и что за поезд был, откуда, и даже день, когда это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.